

Андрей Гросс

За последней Чертой

Андрей Гросс

За последней чертой

<https://litres.ru/74388764>

Аннотация

— Говори по-хорошему, полковник, сколько агентов и куда ты отправил в прошлое? -

Военный в звании генерал-майора стоял в центре лаборатории, заполненной разнообразными приборами и загадочными силовыми установками. Прямо перед ним, подвешенный на трубе наручниками, висел пожилой мужчина, на вид около семидесяти лет. Во всем его теле чувствовалась военная выправка, а физическая форма для своих лет была довольно неплоха. По коротко стриженным седым волосам стекала струйка крови.

Десять минут назад его пытались задержать, но он не собирался так просто сдаваться. Нескольким опытным бойцам спецназа пришлось приложить немало усилий, чтобы надеть на него наручники. Для того чтобы справиться с этим старым воякой, им сначала пришлось хорошенько приложить его по голове прикладом.

Теперь он висел на трубе, которая выходила из неизвестной генералу установки. Эту установку должны были обследовать технические специалисты контрразведки. Наручники были пристегнуты к трубе так высоко, что мужчине приходилось

вставлять на носочки, чтобы они не передавливали артерии на руках.

— Ты же меня хорошо знаешь! - продолжил генерал. - Мои люди тебя на кусочки резать будут и очень медленно, если ты не перестанешь строить из себя тут «Зою Космодемьянскую» и не расскажешь всё о ваших художествах! Фанатики вы чёртовы! -

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	79
Глава 5	105
Глава 6	133
Глава 7	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Глава 1

— Говори по-хорошему, полковник, сколько агентов и куда ты отправил в прошлое? -

Военный в звании генерал-майора стоял в центре лаборатории, заполненной разнообразными приборами и загадочными силовыми установками. Прямо перед ним, подвешенный на трубе наручниками, висел пожилой мужчина, на вид около семидесяти лет. Во всем его теле чувствовалась военная выправка, а физическая форма для своих лет была довольно неплоха. По коротко стриженным седым волосам стекала струйка крови.

Десять минут назад его пытались задержать, но он не собирался так просто сдаваться. Нескольким опытным бойцам спецназа пришлось приложить немало усилий, чтобы надеть на него наручники. Для того чтобы справиться с этим старым воякой, им сначала пришлось хорошенько приложить его по голове прикладом.

Теперь он висел на трубе, которая выходила из неизвестной генералу установки. Эту установку должны были обследовать технические специалисты контрразведки. Наручники были пристегнуты к трубе так высоко, что мужчине приходилось вставать на носочки, чтобы они не передавливали артерии на руках.

— Ты же меня хорошо знаешь! - продолжил генерал. -

Мои люди тебя на кусочки резать будут и очень медленно, если ты не перестанешь строить из себя тут «Зою Космодемьянскую» и не расскажешь всё о ваших художествах! Фанатики вы, блять, чёртовы! -

Полковник помотал головой, у него немного двоилось в глазах и кружилась голова, сказывались последствия встречи его головы с прикладом автомата. Он сфокусировал свой взгляд на стоявшем перед ним генерале. На лице у полковника появилась надменная улыбка. Несмотря на его незавидное положение, его глаза излучали какой-то весёлый азарт.

— Иваныч! Ну кончай дурака валять! В твоих интересах сотрудничать со мной! Мы же раньше работали вместе! Ты даже был моим начальником, потом тебя выперли на пенсию из-за твоего чёртова характера, между прочим! А так бы сейчас сам был генералом! - В тоне генерала появились нотки почти человеческого сочувствия.

Полковник продолжал с иронией и издёвкой смотреть на своего оппонента, который стоял прямо перед ним. Он смачно сплюнул на пол кровь, которая собралась у него во рту, и опять посмотрел на генерала. И хитро прищурившись, усмехнулся и сказал:

— Эх, Леша, Леша! Такое дело испортить хочешь! Ты только представь, что будет, если у нас получится!.. Давай лучше ты будешь работать на меня! Больше пользы от этого будет!

— Иваныч! Ты реально псих или из ума уже выжил? Те-

бя восстановили на службе, чтобы ты большое дело сделал. Проект по перемещению сознания агента в тело любого человека на расстоянии. Ты представляешь, какие это давало возможности нашей организации, нашей стране в конце концов, а ты что тут устроил?! Куда ты агентов в итоге отправил, псих ты полоумный?

Иваныч, а точнее Андрей Иванович, полковник российской армии, технический руководитель исследовательской лаборатории, грустно опустил голову, а потом поднял глаза и украдкой посмотрел на часы, которые висели на стене лаборатории.

— Ладно, Алексей, раз уж тебе так интересно, я расскажу! Да, мне доверили разработку технологии, которая позволяет внедрять сознание подготовленного агента в тело любого человека.

Как ты знаешь, исследования в этой области проводились ещё во времена СССР, и я был единственным, кто принимал в них участие и дожил до наших дней. В то время ты был ещё сопливым патцаном, — с лёгкой насмешкой добавил Иваныч, глядя на генерала, потом он продолжил:

Когда развалился Союз, все лаборатории были закрыты, а исследования уничтожены, чтобы не достаться американцам. И вот, пять лет назад, когда такие вояки, как ты, в очередной раз не оправдали ожиданий, в верхах вспомнили об этих технологиях. Противостоять Западу стало уже почти нечем, и они вспомнили про меня, пригласив возглавить ла-

бораторию.

— И у меня всё получилось! — с гордостью сказал Иваныч, хмуро глядя на генерала.

— Я знаю об этом! — нетерпеливо и нервно сказал генерал, которого полковник небрежно называл Лёшей. — Но потом службе собственной безопасности доложили нечто настолько бредовое, что мы сначала не поверили. Мы решили, что над нашими разведчиками кто-то поиздевался и подсунил бредовую дезинформацию! Мы хотели даже их под трибунал отправить, настолько абсурдно это звучало!

— Ты лучше расскажи, Андрей Иванович, как оказалось, что появилась возможность отправлять сознание агентов в прошлое, в тела других людей, а ты об этом даже не доложил начальству? — спросил его генерал.

Полковник задумчиво посмотрел по сторонам, никто не бы не обратил внимание, что его взгляд на мгновение задержался на часах, которые находились за спиной у генерала. В его глазах опять вспыхнул азарт.

— О, это было что-то! Хотя, если честно признаться, то всё просто случайно вышло! Когда мы применяли уже отработанную методику, в аппаратуре произошел сбой, и оказалось, что сознание агента отправилось в тело случайного человека, а не того, который был запланирован. Но это не главное, а главное то, что сознание переместилось на месяц назад. Агент пришел на конспиративную квартиру и всё подробно доложил! Толковый парень оказался, месяц про-

ждал, чтобы не прийти раньше момента, когда его отправят!

Генерал раздраженно помотал головой.

— И тогда ты, чертов псих, вместе с такими же идиотами решил отправить агентов в прошлое с заданием спасти чертов Совок! Вернуть СССР они решили! Ты реально из ума выжил, Иваныч?! Тебе чего не хватает? Мало квартиры в Москве, которую тебе подарило ведомство? Или зарплата маленькая? Да после того, как ты бы закончил исследования, ты бы жил как падишах!

— Вот именно, Леша! - полковник заметно погрузнел. - Такие ублюдки, как ты, всё меряют деньгами и дальше своего носа ничего не видят. Для вас служба родине — это просто бизнес. Вы приведете нашу страну к полному краху, боюсь, что до этого совсем недолго осталось.

— Господи! Ну и дурак ты все-таки, полковник! Потом будешь проповеди читать, а сейчас соглашайся на сотрудничество, и остаток жизни будешь сытым и довольным. Соглашайся, пока я добрый, ты же понимаешь, что и без тебя мои спецы все равно разберутся во всем оборудовании очень быстро.

Полковник поднял голову и искренне рассмеялся, глядя генералу в глаза. Было заметно, что ему уже довольно тяжело находиться в подвешенном состоянии, но он старался не подавать виду, что ему больно.

— Это ты дурак, Леша! У меня рак последней стадии! Детей я так не нажил! Поэтому тебе запугать и зацепить ме-

ня уже просто нечем. Мне жить, наверное, два понедельника осталось! Так что можешь не пыжиться, ничего у тебя не выйдет, а мы с тобой скоро в аду встретимся. А тут скоро всё взлетит на воздух! - полковник сделал полукруговое движение головой.

Генерал снисходительно усмехнулся.

— Считаешь себя самым умным? Да, Иваныч? Ну-ну! Только вот заряды взрывчатки мои саперы уже все сняли! При современной аппаратуре ни одну мину от нас скрыть не удалось.

— Эх, генерал! Мельчает, видно, народец у нас в контрразведке-то! — полковник презрительно и даже с каким-то сожалением в глазах посмотрел на стоявшего перед ним генерала. — Ты что, забыл, что я принимал участие в разработке этих сканеров? ...Так что ты теперь можешь попробовать бежать, ...хотя всё равно уже не успеешь! До встречи в аду, Леша! На рай мы с тобой явно не тянем! — с грустной иронией ухмыльнулся полковник.

Генерал немного изменился в лице и с некоторой тревогой и опаской посмотрел по сторонам.

— Ты блефуешь, полковник! Кончай придуливаться, лучше расскажи, сколько всего агентов ты уже отправил в прошлое?

Полковник уже вполне открыто и демонстративно взглянул на часы и потом перевел взгляд на генерала. Потом с усмешкой сказал:

— Имя им — Легион!

Собственно, самого взрыва они и все, кто находился в здании исследовательского центра, не успели услышать. Одновременный взрыв зарядов по всему зданию усилил разрушительный эффект, и от динамического удара все погибли просто мгновенно.

.....

«Блин, а почему так темно?» Я огляделся по сторонам, стараясь не делать резких движений. Последнее, что я помнил, это лаборатория, где я лежу на столе, а в комнату врывается вооруженный спецназ. А я, в прошлом подполковник вооруженных сил России, теперь абсолютно беспомощный, потому что у меня уже пару лет как ампутированы ноги. Я огляделся по сторонам, когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что я лежу на кровати в помещении, которое освещено тусклой лампочкой. «Дежурное освещение», — промелькнуло у меня в голове. Так где я? В госпитале? Или в какой-то военной части? Где еще бывает такое ночное освещение?

Я попытался сесть на кровати и... Что это? Я опустил взгляд вниз, потом протер глаза, думая, что у меня галлюцинации! В тусклом освещении я увидел свои ноги! У меня опять есть ноги? Я ощупал руками свои ноги, и даже пару раз я себя сильно ущипнул. Неужели получилось!? Я встал с кровати и, пошатываясь, сделал несколько шагов по комнате. Мои новые ноги меня не плохо слушались, но всеравно

было ещё как то непривычно. Я огляделся по сторонам и понял, что нахожусь в какой-то небольшой комнате со спартанским убранством, в углу которой стояла тумбочка и кровать, с которой я только что встал. Я оглядел себя, на мне была какая-то нательная рубаша и штаны черного цвета, я нашел ботинки, которые стояли возле кровати, и, надев их на босу ногу, решил выйти на улицу и разобраться, куда это меня занесла нелегкая, а заодно и пройтись на своих новообретенных ногах

Выйдя из помещения, где находился, я огляделся по сторонам. На дворе стояла глубокая ночь. Оглянувшись, я увидел, что вышел из невысокой пристройки к какому-то двухэтажному зданию. Я всё не мог понять, где оказался. Рядом находилось двухэтажное здание явно не жилого, административного или хозяйственного назначения. Вдали виднелось ещё несколько точно таких же двухэтажных зданий, сложенных из белого кирпича. Подняв голову, я заметил колючую проволоку на крышах этих домов.

Пройдя немного вперёд, я вышел на небольшую асфальтированную площадку размером примерно двадцать на сорок метров, с какой-то полустёртой разметкой, которую при плохом освещении, исходящем от фонарей, которые светились на фасаде здания, было плохо видно. Похоже на какой-то небольшой плац для построений.

Куда я попал? Может быть, это воинская часть? Мои мысли путались, видимо, это было последствие перемещения

моего разума в тело другого человека. Но меня это мало беспокоило. Главное, что у меня были ноги, и я мог ходить. Я попробовал сделать несколько шагов и даже пробежаться по асфальту. Ноги слушались меня всё лучше и лучше. Я легко присел и подпрыгнул прямо из полного приседа. Я был рад, что оказался в теле спортивного парня. С наслаждением я чувствовал каждую мышцу своих ног.

После нескольких лет, проведённых в инвалидном кресле, я чувствовал себя просто заново рождённым. Вздохнув полной грудью, я почувствовал пьянящий запах прохладной летней ночи. Наверное, еще никогда я не испытывал такого счастья, и сорвался с места и начал бегать кругами по плацу, радуясь и улюлюкая от восторга. Я как сумасшедший бегал и подпрыгивал, наслаждаясь тем, что снова могу ходить и даже бегать. Я бегал и прыгал уже, наверное, минут десять и даже не запыхался.

— Эй, спортсмен! А ну-ка притормози! — неожиданно услышал я чей-то крик. Я оглянулся и увидел трёх человек, которые шли в мою сторону. Они были одеты в чёрную одежду и явно были недовольны моим поведением.

— Корс, это ты что ли? Ты что, башкой поехал? Какого чёрта ты тут устроил? — удивлённо спросил один из них.

— Наверное, он колёс обожрался, не иначе! — сказал дружкой, выражения его лица я в темноте не видел.

Они подошли ко мне ближе, все трое были одеты в одежду черного цвета, на рукавах были белые повязки. Дружин-

ники, что ли? Приглядевшись, я еще заметил у них на груди бирки белого цвета с фамилией. Где-я такие видел?.... Далеко?..... Неужто зеки? Это ж куда меня забросило?

Зеков, к счастью, я раньше видел только по телевизору, но сомнений, что передо мной стоят трое сидельцев, у меня уже не было. Это чего? Я прямиком в зону попал, что ли? Да ну на хер?! Всё же должно было быть совсем по-другому!

— Слышь, Корс, тебе что, в каптерке плохо спится? А ну-ка, пойдем-ка с нами. В санчасти полежишь до утра, может, в себя придешь, — сказал недовольно один из зеков, заспанным, а поэтому и недобрый голосом. Все трое были высокого роста и крепкого телосложения, судя по тому, как они двигались, эти ребята очень любили заниматься спортом.

«Корс», — так они ко мне уже несколько раз обратились, это моё имя или, скорее всего, прозвище.

— Давайте так, ребята, я пойду своей дорогой, а вы своей! — спокойно сказал я этим трем зекам, и, повернувшись, пошёл искать выход отсюда.

— Эй, ты чё, совсем рамсы попутал! — удивленно окликнул меня один из них, догоняя и кладя руку мне на плечо и пытаясь развернуть меня.

Инстинктивно я схватил его правой рукой за большой палец и, резко повернувшись, я вывернул ему руку. Он подался вперёд и упал на землю.

Двое других парней отреагировали мгновенно. Один решил сделать мне подсечку, но я опередил его, сделав кувы-

рок назад и вскочив на ноги. Мое новое тело меня слушалось, но все-таки как-то неуверенно.

— Эй, ребята, вы что? — удивленно сказал я им. — Чего вам от меня надо? —

Теперь они все трое напали на меня одновременно, заходя с разных сторон. Эти парни пытались меня задержать, применяя борцовские приемы и захваты. Наносить удары они почему-то не стали. Я резко повернулся и ударил одного ногой в корпус, и тот отлетел назад.

Второй молча попытался сделать проход в ноги, но я опередил его и пнул ему ногой в лицо. Однако он немного увернулся, и я попал ему в плечо. Этого удара хватило, чтобы он упал, и его рука безвольно повисла.

Третий всё-таки успел ударить меня под колено сзади, и я упал назад, и, чтобы не дать добить себя на земле, я ударил его ногой в пах из положения лёжа, моё тело меня еще плохо слушалось, но я всё-таки попал в него, хоть и не в пах, а в живот, и этого было достаточно, чтобы он сложился пополам.

Стало понятно, что нужно срочно бежать отсюда. Сейчас эти парни поднимутся на ноги, и они будут очень злыми. И уже, скорее всего, теперь они не будут пытаться задержать меня, не повредив шкуры. Я сорвался с места и побежал в сторону ворот, которые виднелись между зданий, но наперебеж мне бежали трое в зелёной камуфлированной форме.

"Блять, а это еще кто?!" — подумал я, сбавляя скорость,

но всё же продолжая бежать в сторону ворот.

— Корс! Стой! Прекрати херней страдать! — воскликнул мужик в зеленой форме, который бежал наперерез.

— Ты что творишь? — кричал мне еще один мужик в такойже форме. Трое мужчин в камуфляже встали у меня на пути.. В руках у них были резиновые дубинки. Ну эти точно не зеки: раз одеты в форму с погонами и резиновыми палками наперевес. Я остановился, не добегая до них несколько метров, моя голова еще соображала не очень, но два и два у меня как-то сложилось: раз эти трое не зеки, то в зеленой армейской форме — это, значит, надзиратели. Вдруг из памяти мозга, в котором оказался мой разум, всплыло незнакомое слово «Дубак» — так называют их на зековской фене, а по штату в колонии их должность звучит как инспектор или младший инспектор. А в простонародии по старинке называют надзирателями.

— Эй, ребята, я не знаю, что здесь происходит! — обратился я к ним, — но можно я уже пойду отсюда куда-нибудь.

— Ага, размечтался! Стой на месте! —

Я поднял руки вверх, показывая, что не собираюсь сопротивляться. Трое мужчин в камуфляже подошли ко мне. Двое быстро прошли мне за спину, а один встал передо мной.

— Опустите руки клоун! — приказал тот, что стоял передо мной. Я выполнил приказ. В этот момент я почувствовал, как меня схватили сзади и надели наручники. Это было сделано так быстро и профессионально, что я не успел даже от-

реагировать.

— Советую тебе не дергаться. Пойдём с нами в дежурную часть, там разберёмся, что с тобой делать, — сказал один из мужчин надзирателей.

Я оглянулся на своих недавних противников. Они встали на ноги и злобно ругались, потирая ушибленные места. Думаю, если бы не эти ребята в зелёном камуфляже, от меня бы уже и мокрого места не осталось.

— Этот ублюдок, кажется, мне руку сломал, — сказал один из них, он держался за руку и злобно матерился сквозь зубы.

— Идите в санчасть, разбудите фельдшера, пусть посмотрит, — сказал надзиратель. Даже в темноте я видел, как зеки, с которыми я подрался, злобно смотрели на меня.

— Осужденный Корсиков, вперёд! — сказал один из надзирателей, указывая на административное здание. Мы подошли к лестнице, которая вела на второй этаж здания. Я понял, что нужно подниматься. «Осужденный? Кто осужденный? Это я что ли?» В голове стало проясняться, но вопросов стало еще больше! Когда мы поднялись, я увидел перед собой дверь, которая вела в длинный коридор второго этажа здания.

Когда мы подходили ближе, я успел прочитать вывеску на здании, она была хорошо освещена фонарем: «Штаб колонии поселения №22». Мы поднялись на второй этаж по железной лестнице, ступеньки которой громыхали от каждого

шага, на второй этаж здания, и зашли внутрь, и прошли мимо дежурного с заспанным лицом, который выглядывал из-за стеклянного окошка с надписью «Дежурная часть».

Сотрудник, который вёл меня, с усилием толкнул решётчатую железную дверь, которая вела в длинный плохо освещённый коридор, пропуская меня вперёд.

— И куда мы идём, господа? — спросил я, проходя в двери.

— Тамбовские волки тебе, блядь, господа! — недовольно пробурчал младший инспектор, который шёл сразу позади меня. — Корс, ты реально походу какой-то наркоты пережрал? ... К хозяину на крестины мы идём. Он сегодня ответственный по колонии. Вот ты сейчас и расскажешь ему о своих ночных забегах.

Мы прошли практически до конца плохо освещённого коридора, который был окрашен в казенные цвета: пол и стены на высоту человеческого роста был покрашен в синий цвет, а от этого уровня и до потолка в белый, везде пахло какой-то застарелой штукатуркой. Мы остановились у двери, на которой висела табличка, где было написано: «Начальник колонии-поселения №22, подполковник Востриков Пётр Витальевич».

— Лицом к стене! — скомандовал инспектор, который был старше по возрасту. Я, всё ещё в глубине души надеясь, что мне это всё снится, благоразумно повернулся лицом к стене возле двери в кабинет. Прапорщик аккуратно постучал

в двери кабинета.

— Да, да! Входите! — слышался заспанный голос из-за двери.

— Разрешите войти, товарищ подполковник! Осуждённый Корсиков по Вашему приказу доставлен!

— Заводи! — сказал седой уже лысеющий мужчина, который сидел за столом кабинета. — Побудьте пока за дверью! — приказал он инспекторам.

На начальнике колонии-поселения была надета только форменная рубашка без знаков различия, и, судя по заспанному лицу, он, видимо, только проснулся и был этому очень недоволен. Его мошинестое лицо и глубоко посаженные глаза, всё выражало усталость и раздражение.

— Осуждённый Корсиков, вы мне не расскажете, что это вы такое посреди ночи устроили прямо на плацу? — подчеркнуто официальным тоном сказал мне этот мужчина, который, видимо, и был начальником колонии.

— Да я... это... — начал говорить я, пытаюсь подобрать в своей голове что-то правдоподобное, одновременно прислушиваясь к незнакомому для себя собственному голосу. — Я решил вот... до ветру выйти! — сказал, что первое пришло в голову и казалось более правдоподобным. — А тут эти до меня докапались! «Эй ты! Куда ты пошёл?» Потом давай меня за руки хватать! Ну и началась эта заварушка!

— Ты что, блядь, несёшь? Какой, на хрен, до ветру? Туалет в другой стороне! У тебя послезавтра суд и условно-до-

срочное должно было быть! Ты что, сука, спокойно пару дней досидеть не мог? Набухался, поди, или закинулся чем-то? — перешел на крик подполковник. Его заспанное, усталое лицо исказилось от раздражения. — Тебе чего в твоей каптерке не сидится? Поставили тебя на королевскую должность, живешь не на бараке, а отдельно от всех. Чего тебе ещё не хватает? С жиру бесишься?

В дверь тихо постучались.

— Да! — нервно крикнул начальник колонии.

— Разрешите войти! — в кабинет, не дожидаясь разрешения подполковника, невозмутимо вошёл пожилой седой человек в зелёной камуфлированной форме с погонами старшего прапорщика.

— А, Петрович! — невесело улыбнулся начальник колонии. — Ну заходи!

Начальник колонии взял из пачки сигарету, подкурил её зажигалкой и со злорадством посмотрел на меня:

— А ну-ка, Петрович! Освидетельствуй, пожалуйста, этого осуждённого! Просвети нас, чем это он решил скрасить свои последние деньки в нашей колонии-поселении: бражки перепил или димедрола пережрал?

Фельдшер подошёл и стал внимательно смотреть мне в глаза, потом он приблизил своё лицо ко мне и сказал:

— Дыхни! -

Я понятия не имею, пил ли алкоголь тот человек, который находился в этом теле до меня, но мне терять уже явно было

нечего, и я дыхнул на фельдшера. Тот ещё раз внимательно проверил мои глаза, посветил в них небольшим фонариком. Потом попросил меня коснуться пальцами кончика носа, но, посмотрев на наручники, которые были у меня за спиной, видимо, передумал и развёл руками.

— Черт его знает, товарищ подполковник! По всем признакам он трезвый! Да и вроде дурь никакую не употребил.

— Да, Корс, лучше бы ты пьяный был или обгашенный чем-то! А так просто получается, у тебя крыша поехала от того, что ты скоро на волю выйдешь. Так часто бывает с зеками перед освобождением! — сказал начальник колонии и затушил сигарету в пепельнице, которая стояла на столе.

— А что же мне теперь делать прикажешь? — задумчиво продолжил начальник колонии. — Этот инцидент на плацу замять не получится. Это в обычной колонии начальник может легко заткнуть зекам рты. А у нас на ментовской зоне все зеки — это бывшие сотрудники милиции, и писать жалобы в суд для них совсем не в падлу, как приклатнённым зекам на обычных зонах. А бывшие менты жалобы писать хорошо умеют. Ты сам это понимаешь. И те мужики, которым ты переломал рёбра, тебе точно не забудут это и не простят. Придётся тебе забыть об условно-досрочном освобождении. У меня теперь нет выбора. Ты сам в этом виноват!

Начальник колонии развел руками и снова закурил сигарету, по кабинету разнёсся дым крепкого табака. Я, пользуясь тем, что он немного задумался, стал осматривать его ка-

бинет и увидел на столе начальника календарь, и, судя по дате, которая стояла на нем, сейчас 12 июня 1988 года.

— Если я всё таки попытаюсь замять этот инцидент, то те, кого ты отметелил, напишут заявления в прокуратуру, и у меня будут очень большие проблемы за то, что я скрыл преступление в колонии, а у нас они очень редко происходят. — продолжил он рассуждать после небольшой паузы.

— Может быть, ты и псих, Корс, но я думаю, что ты точно не дурак и понимаешь, что ни о каком условно-досрочном освобождении не теперь может быть и речи до конца срока. Скорее всего, тебе добавят ещё годик-другой за эту драку... Так что ты у меня точно поедешь обратно на общий режим в Иркутск. Охладишь свою буйную головушку, климат там для этого очень подходящий! Пускай там с тобой и нянчатся! А чтобы ты больше ничего не учудил, или те, с кем ты подрался, не решили тебе отомстить, посиди-ка ты пока до этапа на Иркутск в изоляторе, от греха подальше! — подполковник встал из-за стола и открыл дверь кабинета и крикнул в коридор:

— Инспектор! Уведите его в ШИЗО! —

— Осужденный Корсиков, на выход! — устало зевая, сказал прапорщик, когда зашел в кабинет. Меня вывели из штаба колонии-поселения и повели куда-то вдоль рядов колючей проволоки. Открылась решетчатая калитка, и мы зашли в небольшое одноэтажное здание с решетками на небольших окнах, расположенных почти под самой крышей. Впе-

реди меня шел один надзиратель, а дежурный по колонии шел сзади. Наручники с меня они благоразумно снимать пока не стали.

— Принимай постояльца! — сказал пожилой усатый прапор, который привел меня, дежурному по ШИЗО. Дежурным был молодой парень, наверное, только после армии устроился в колонию, его заспанное лицо было очень недовольным, потому что его разбудили из-за меня. Хотя, конечно, на службе спать ему совсем не полагалось.

— Пошли, Корс, я смотрю, ты без вещей! До подъема осталось два часа, и че тебе, блять, не спалось! — на ходу ворчал дежурный по изолятору. Вместе с дежурным по колонии он повёл меня по коридору, — Стоять лицом к стене! — сказал дежурный у двери одной из камер.

Я встал лицом к стене, дежурный по изолятору открыл двери в пустую камеру, я зашёл внутрь. Камера была очень маленькой, где-то полтора на два метра. Я лёг на деревянные нары, которые висели на цепях, прикреплённых к стене, и складывались днём, поднимаясь вверх, чтобы зекам в изоляторе жизнь мёдом не казалась и они спали только в положенное время. Двери камеры за мной со скрипом закрылись.

В голове моей ещё был определённый хаос. В принципе, как раз об этом меня учёные предупреждали, что моя память не сразу начнёт нормально функционировать. А что останется от памяти человека, в тело которого меня переместили, так вообще было неясно. Я лежал на деревянных нарах и ста-

рался навести порядок в своей голове, в общих чертах картинка у меня стала складываться, хотя и совершенно не в мою пользу.

Итак, что мы имеем в сухом остатке? Учёные уверяли меня, что я должен был переместиться в тело действующего сотрудника КГБ и предотвратить теракт, который должен был произойти 4 июня 1989 года. Но учёным не дали нормально завершить процесс перемещения, и что-то пошло не так. С годом, по крайней мере, ошибки не было, меня должны были переместить именно в 1988 год, задолго до теракта, чтобы у меня было время на подготовку, но вот с личностью человека, в которого я должен был попасть, произошёл досадный промах.

В итоге я оказался в теле заключённого, бывшего милиционера, какого-то оперуполномоченного, которому оставалось всего три дня до условно-досрочного освобождения. Однако теперь, как заверил меня начальник колонии, я нескоро покину стены колонии. И теперь я, по всей видимости, выйду из тюрьмы я через несколько лет и не успею выполнить задание, с которым меня сюда отправили.

Однако во всём этом есть и отрадный момент: теперь у меня вновь есть ноги, и я могу свободно ходить и даже бегать. Эх, зона, хоть она и считается ментовской, но всякое может случиться, и я могу попросту не дожить до освобождения... Хотя, как говорил начальник колонии, что человек, в тело которого я попал, вроде как невиновен, а его кто-то

подставил. Ну, в принципе, ничего удивительного. Такое бывало не только в России, но и ещё в СССР, подстава в таких структурах, как милиция, а потом полиция, всегда была самым удобным способом убирать неудобных. Ладно, с этим разберёмся позже.

Глава 2

Что мне сказал инспектор по изолятору: «Подъем будет через пару часов», но сон ко мне совсем не шёл. Да и ладно, какой тут спать! Сейчас нужно думать, как быть дальше. Необходимо поскорее выйти на свободу, но как теперь это мне сделать?

Моё сознание, кажется, ещё не полностью слилось с памятью человека, в чьём теле я нахожусь. Порывшись в памяти, я только понял, что его зовут Корсиков Дмитрий Иванович, родился в 1960 году, и сейчас ему, то есть уже мне, двадцать восемь лет. Родные и родители? Я попытался напрячь мозг и извлечь что-то из памяти моего нового тела. Ух ты! Оказывается, парень был сиротой! Отец неизвестен, мать воспитывала его одна, но умерла, когда ему было 12 лет, близких родственников не было и он попал в детский дом. Потом армия, десантные войска, теперь понятно, откуда у этого тела такая хорошая физическая форма! После армии закончил школу милиции и год проработал оперуполномоченным, затем какая-то мутная история, суд и тюрьма. За что парень попал за решётку, пока не удавалось вспомнить, только какие-то размытые обрывки. Почему там в будущем у ученых всё пошло не по плану? Я стал вспоминать последние минуты перед тем, как оказался в прошлом в теле этого молодого парня.

.....

Я лежал на столе установки перемещения. Внизу, на первых этажах, послышался грохот. У меня не было никаких сомнений в том, что это там сейчас происходит. Это был штурм!. Сколько раз я сам штурмовал подобные здания на войне, когда у меня ещё были ноги и молодость, а теперь я просто кусок беспомощного мяса, поэтому-то я и согласился на эту безумную авантюру с перемещением сознания в прошлое в тело другого человека.. В бою мне оторвало ноги, а то, что от них осталось, ампутировали начисто.

— Доктор, что там происходит? — я приподнялся на руках и спросил я ученого, который подключал ко мне аппаратуру для перемещения.

— Нас штурмуют, Серега, но мы должны успеть, — сказал доктор, седой мужчина моего возраста в белом халате, он проводил необходимые манипуляции, подключая ко мне датчики. — Мы успеем, Серёжа!. Ты остался последним. Инструкции помнишь?

— Помню!

— Давайте быстрее, ребята, — сказал доктор своим ассистентам. Его люди старались работать быстро, на сколько это было возможно.

Раздался оглушительный взрыв на первом этаже здания, значит, времени осталось уже совсем немного. Буквально через пару минут раздался глухой хлопок, и дверь в помещение, где я находился, упала.

— Всем лежать! — раздался крик. — Всем на пол! А то будем стрелять на поражение!

Доктор остался стоять, подняв руки. В комнату забежали спецназовцы в полной боевой выкладке.

— Отойди от приборов, — крикнул один из них, направляя на ученого автомат.

Но доктор его не слушал и продолжал набирать комбинацию кнопок. Тогда спецназовец подскочил к нему и повалил его на пол.

«Чёрт, неужели у них ничего не получилось? Неужели всё было напрасно? И теперь я всё так же останусь калекой на всю жизнь? Хотя, судя по тому, во что я вляпался, жизнь моя будет, скорее всего, очень недолгой. После того как меня допросят, они милостиво прекратят мои мучения», — пронеслось тогда в моей голове.

Однако потом я почувствовал удар тока и провалился во

тému. И, судя по тому, что я нахожусь здесь, перемещение моего разума в прошлое в тело другого человека состоялось, хотя и не в то тело, в которое мой разум должен был попасть. Видимо, в последний момент доктор, который меня отправлял, всё-таки что-то напутал. Да это и немудрено, когда в тебя тычут автоматами и жить тебе остается совсем недолго.

В десять часов утра дверь камеры открылась. На пороге камеры стоял новый дежурный, в отличие от того, который засадил меня в изолятор, этот был намного старше, он ухмыльнулся и сказал мне:

— Привет! Ну что, Корс, без вещей на выход!

Я вышел в коридор и стал озираться по сторонам.

— Руки за спину, лицом к стене! — сказал мне дежурный привычным тоном. Повернувшись лицом к стене, положив руку за спину, я думал, куда это же меня, интересно, поведут. Повернувшись в коридоре, я увидел, что стоит инспектор, которого я вчера не видел, но вот в мозге тела, в которое меня угораздило попасть, о нем была информация, что я его видел каждый день.

— Начальник колонии велел мне привести тебя к нему, Корс! Пацаны рассказали, как ты вчера почудил.... Ну ты дал, конечно! Уж от кого, но от тебя такого я не ожидал. Пошли! Мы вышли из изолятора и пошли вдоль колючей прово-

локи по узкому коридору, по обеим сторонам которого было несколько рядов колючей проволоки. Дойдя до калитки, которая вела в жилую зону, инспектор открыл её, пропуская меня вперёд. Мы опять зашли на второй этаж, в здание штаба колонии поселения.

Пройдя по коридору, мы оказались возле кабинета начальника колонии. Инспектор постучал в дверь и, получив разрешение, пропустил меня вперёд. Начальник колонии посмотрел на него, затем молча давал знак, чтобы инспектор вышел в коридор.

Начальник колонии внимательно и устало посмотрел на меня, затем взял сигарету и закурил. На нём уже была полностью форменная одежда с подполковничьими погонами.

— Здравия желаю, — попытался поздороваться я, хотя чёрт его знает, как они тут здороваются.

Начальник колонии молча посмотрел на меня и кивнул головой.

— В общем, Корс, всё время, пока ты у нас сидел, за тебя хлопотал один уважаемый человек, просил за тобой приглядывать, — сказал он внимательно и многозначительно тглядя мне в глаза. — Я не мог его не поставить в известность об инциденте, который ты устроил сегодня ночью..... Так вот, видимо, он подключил кого-то ещё в высоких кабинетах.....

Полковник нахмурил лоб, стряхнув пепел сигареты в пепельницу.

— И мне сообщили, что судья прибудет для рассмотрения вопроса о твоём условно-досрочном освобождении. Несмотря на все твои выкрутасы, решение суда будет положительным.... И слава богу!

Мохнул устало рукой подполковник.

— Баба с возу — кобыле легче! Это избавит меня от лишней головной боли, которую ты создаешь в последнее время. Поэтому до самого вступления решения суда в законную силу посидишь в изоляторе, чтобы опять чего не начудил. Ну или те, с кем ты подрался, не решили тебе отомстить напоследок. Поэтому сейчас тебя отведут в изолятор, и сиди там тише воды ниже травы до самого освобождения. Ты всё, блять, понял?

— Так точно, товарищ полковник, — ответил я, вытянувшись по струнке.

— Тамбовский волк тебе товарищ, осужденный Корси-ков, — немного возмущенно произнёс полковник. И у меня в памяти вдруг всплыло, что зек должен называть сотрудника колонии не иначе как гражданин начальник, ну или по имени-отчеству. А обращение «товарищ» в данном случае нарушает субординацию и как бы делает зека и сотрудника колонии равными друг другу.

— Корс, ты реально странный какой-то стал! — с подозрением сказал начальник колонии, прищулив взгляд. — Отправляйтесь в изолятор и ведите себя там тихо!

Выездной суд прошел быстро, меня пригласили только за-

слушать решение суда, где мне объявили, что освобождают условно-досрочно и что я могу покинуть колонию-поселение через десять дней, когда решение суда вступит в законную силу.

Эти десять дней я сидел в изоляторе один в той же отдельной маленькой камере. Дежурные по изолятору давали мне послабления. И я целыми днями лежал на нарах и думал о том, что мне делать дальше.

Задание, с которым я был сюда отправлен, заключалось в том, чтобы предотвратить теракт. Тогда взорвался поезд при очень странных обстоятельствах. А самое интересное, что в одном спецвагоне находились документы, а также сотрудники следственного комитета и сотрудники КГБ, которые должны были арестовать высокопоставленных членов правительства, которые как раз и готовили развал Советского Союза. Не взрываются такие люди и такие документы случайно, не бывает так, хотя по официальной версии это было якобы стечение трагических обстоятельств.

По задумке тех, кто планировал эту операцию, я должен был попасть в тело действующего сотрудника КГБ, который смог бы предотвратить теракт. Но сейчас я — зек, который скоро выйдет на свободу. Но уже никуда, ни в какие силовые структуры я устроиться не смогу. То есть я задание провалил... даже не успев его начать.

Хотя кто знает? Ведь у меня есть ключевая информация — я знаю, когда и где произойдёт теракт, и могу предотвра-

тить его самостоятельно. Время у меня ещё есть.

Ну только кем я буду работать и где я буду жить? Ладно, поживём — увидим. Самое главное, что у меня теперь есть — это ноги. Ну и молодое здоровое тело. Я уже несколько лет с тех пор, как остался без ног, не мог передвигаться самостоятельно, а теперь я опять обрел молодое здоровое тело, поэтому всё остальное сейчас для меня было малозначительным.

Десять дней в изоляторе тянулись для меня долго. Но вот он, долгожданный день освобождения. От нетерпения я уже реально чувствовал себя так, будто отсидел не один год в колонии. В день освобождения за мной в изолятор пришел оперативный дежурный по колонии-поселению и проводил меня в штаб. Зеки, которые работали со мной в коптерке и были как бы моими подчиненными по должности, принесли сумку с моими вещами, которые я (то есть парень, в тело которого я попал) готовил ко дню освобождения.

В штабе мне выдали мой паспорт и справку об освобождении. В бухгалтерии мне выдали сберкнижку. Я давно не видел этот пережиток прошлого и с интересом её полистал. Ого, да у меня там числилось 358 рублей, которые я мог получить в любой сберкассе в любой точке СССР. И еще мне выдали наличными пятьдесят рублей на билеты и дорогу.

— Это твои честно заработанные деньги, так что на пер-

вое время тебе хватит. Смотри только сразу всё не пропей на радостях. — Пожилой мужчина, начальник финансовой части, был гражданским вольнонаемным человеком. Обычно бывшие сотрудники колонии, которые вышли на пенсию по выслуге лет, остаются работать в зоне на гражданских должностях.

— Удачи на воле! Надеюсь, что мы больше не увидимся! — с доброй улыбкой сказал мне этот человек. В будущем в различных кинофильмах сотрудников колоний и тюрем в нашей стране показывают как кровожадных палачей по типу гестаповцев, а это как раз не так. Тот, кто каждый день работает с зеками, как раз и видит, что они тоже люди. Хотя, конечно, встречаются и нелюди!

Я покинул территорию колонии-поселения, выйдя через контрольно-пропускной пункт. Теперь я свободный человек! Я огляделся по сторонам. Мне сказали, что где-то недалеко должна быть автобусная остановка. Сейчас 1988 год, еще жив СССР, и у меня опять есть ноги. Что меня ждет дальше, одному Богу ведомо. Оглянувшись, я впервые увидел, как колония поселения выглядит со стороны. За забором из нескольких рядов колючей проволоки скрываются несколько двухэтажных зданий, построенных, очевидно, во времена правления Хрущёва. Также здесь было множество хозяйственных построек и производственных цехов. Изолятор, в котором я просидел десять суток, и это, в принципе, всё, что я помню из своего пребывания за колючей проволо-

кой, отсюда видно не было.

В основном в колониях-поселениях не бывает вышек с часовыми, вооружёнными автоматами, так как контингент заключённых стремился быстрее реабилитироваться и вернуться к нормальной жизни. Такие поселения лишь обнесены несколькими рядами колючей проволоки. Да и сроки заключения у тех, кто сидит на поселении, небольшие, поэтому побег, хотя изредка и бывают, но в основном народ стремится не нарушать режим, чтобы побыстрее выйти за хорошее поведение. Как правило, колония-поселение является градообразующим предприятием в небольших посёлках, таких как тот, который я сейчас лицезрею.

С другой стороны дороги, которая проходила вдоль с территорией колонии-поселения, стояли несколько трёхэтажных домов, где жили сотрудники колонии. Это были сотрудники в погонах и вольнонаёмные работники. Интересно, что в советское время и заключённый мог отбыть срок в колонии и остаться работать там вольнонаёмным, например, водителем или рабочим на производстве. Многие бывшие зеки так и делали, потому что зарплата на производстве в колониях была довольно высокой для того времени.

Думая об этом я бодро зашагал в сторону автобусной остановки. Стоял прекрасный летний день — начало июня, когда солнце уже ярко светит, но утренний воздух всё ещё прохладен.

Накануне своего освобождения я осторожно, чтобы не

вызвать подозрений своей неосведомленностью, расспросил дежурного в ШИЗО, как добраться из этого поселка до города. И, как мне стало известно из разговора, колония поселения находилась рядом с Волгоградом далеко за городом, и до города можно было добраться только на междугородном автобусе, который ходил четыре раза в день, или на такси. Поскольку такси поблизости не было, да и вряд ли могло быть по причине захолустного расположения этого населенного пункта, мне пришлось идти на автобусную остановку. До остановки я шел всего несколько минут, по дороге мне попало всего несколько прохожих, сегодня был вторник, время близилось к полудню, и в основном все жители поселка были на работе.

Я подошёл к коричневой железной коробке и начал изучать расписание автобусов. Судя по табличке, ближайший автобус должен был приехать где-то через три часа.

Присев на скамейку в тени крыши остановки. я задумался. В моем разуме вертелись самые противоречивые мысли. Я оказался в прошлом, в 1988 году, получается что другой я тоже живет в этом времени и ему(то есть мне) сейчас всего восемь лет. Из своего детства я неплохо помню, какой была жизнь в СССР.

Впереди страну ждало безумное и совершенно непонятное время конца восьмидесятых, а затем и полный распад страны, который в итоге приведёт к окончательной катастрофе. Но я молод, у меня снова есть ноги, и по сравнению с

этим все будущие невзгоды и потрясения кажутся мне просто малозначительными.

У меня есть цель — предотвратить теракт, политические последствия которого для нашей страны будут катастрофическими. Я всю свою жизнь потратил на то, чтобы спасти свою страну от окончательного краха, потерял ноги в бою, но из-за предательства и идиотизма руководства, наша страна всё равно оказалась на грани окончательного развала в конце двадцатых годов двадцать первого века.

И теперь мне представилась возможность прожить еще одну жизнь и постараться повлиять на судьбу своей страны. Возможно, мой вклад и будет той маленькой песчинкой, которая не даст СССР или уже России свалиться в пропасть. По задумке ученых, которые меня сюда отправили, я должен попасть в тело действующего оперуполномоченного сотрудника КГБ, и тогда мне было бы, наверное, не так сложно предотвратить этот злополучный теракт.

Однако, видимо, из-за внезапного нападения на научную лабораторию произошел какой-то сбой, и теперь я попал в тело бывшего оперуполномоченного милиционера, который несколько лет просидел в колонии, и меня теперь не подпустят на пушечный выстрел, не то что до КГБ, а даже к службе в милиции. Да что там, теперь я со своей(то есть с чужой) судимостью вряд ли даже сторожем-то смогу устроиться. Хотя я и считаюсь судимым, лично не помню ничего из того, что происходило в зоне за те годы, которые провёл в ней

парень, в тело которого я попал. Я помню только последний эпизод и те десять дней, которые провёл в одиночной камере в ШИЗО перед освобождением. Теперь мое будущее самое что ни на есть туманное. Частично память парня, в теле которого я теперь находился, была мне доступна, например, я помнил многое из того, чему он обучался в школе милиции, помнил многое из его дальнейшей работы оперуполномоченным. Несмотря на то что всё с самого начала пошло наперекосяк, я все таки был полон решимости предотвратить теракт на железной дороге, и эти знания и навыки, думаю, мне обязательно пригодятся.

Время еще есть, я уверен, что обязательно что-нибудь придумаю! Все-таки не один год я прослужил в военной разведке. Еще порывшись в памяти своего тела, я с удивлением открыл для себя то, о чем я почти и не задумывался. А мне ведь некуда идти! Парень был сиротой, без отца и матери, братьев и сестер у него тоже не было. О дальних родственниках я нашел в памяти только какие-то обрывочные сведения. Ни с кем из них он (то есть теперь я) отношений не поддерживал. Женат парень не был. Вроде бы была какая-то девушка, но после того как его посадили, она ему даже не стала писать. Кстати, а за что посадили-то? Вот тут только какие-то неясные обрывочные воспоминания, ну ладно, вспомним по ходу дела. В первую очередь надо разобраться с насущными вопросами. Куда я теперь подамся? Ну доберусь я до города, а дальше-то куда? Где я буду жить? Или хотя бы сегодня

переночую? Как этот вопрос решался в эти времена, я понятия не имею, я же ещё маленький был. У меня даже нет знакомых, чтобы перекантоваться первое время. Деньги, конечно, у меня есть. Четыреста рублей, насколько я помню, по советским временам — это сумма немалая, но я также помню, что просто прийти в гостиницу и заселиться было в СССР практически невозможно, потому что номера заранее были забронированы разными предприятиями для командировочных работников.

Пока в моей голове крутились эти невеселые мысли, я изучал расписание автобусов, которое было на табличке, висевшей возле остановки. Вдруг я услышал звук подъезжающей машины и обернулся. К остановке подъехал автомобиль «Жигули» белого цвета. За рулём сидел пожилой мужчина.

Он опустил стекло, внимательно посмотрел на меня.

— Корсиков Дмитрий? Ваша карета подана! Так что прошу на борт, — с улыбкой произнёс он, продемонстрировав железные зубы на верхней челюсти. Незнакомец заглушил машину и вышел из неё, потягиваясь и разминая мышцы, видимо, ему пришлось ехать издалека. Я вдруг вспомнил такой типаж советских мужчин, недавно вышедших на пенсию. Мужчина был одет в белую отглаженную рубашку с коротким рукавом и легкие отглаженные коричневые брюки. По всему было видно, что он, несмотря на то, что его возраст

уже перевалил за шестьдесят лет, он еще сохраняет хорошую физическую форму. В отличие от большинства пожилых мужчин в двадцатые годы двадцать первого века, откуда переместили мой разум, у него была поджарая, почти спортивная фигура и подтянутый живот. В будущем, большинство мужиков его возраста, будут иметь лишний вес и кучу болячек, вызванных потреблением тех продуктов, в которые корпорации будут добавлять всякую дрянь для удешевления продукции.

Я стоял и смотрел на него, не понимая, что происходит.

— Да не напрягайся ты так! Ты меня не знаешь, я от подполковника Зверева, — сказал мужчина, подойдя ко мне поближе и понизив голос и хитро подмигнув мне. У него было простое скуластое лицо со светлыми глазами, с цепким внимательным взглядом. Волосы под белой летней кепкой были полностью седыми и коротко подстриженными.

— Садись в машину, мне поручили тебя встретить, я тебе по дороге всё расскажу.

Я окончательно растерялся от неожиданности, взял свою сумку с немногочисленными вещами и сел на переднее сиденье, всё ещё удивленно глядя на этого пожилого мужчину. Он переключил передачу, развернул машину, и мы поехали

к выезду из посёлка. Где-то, через час, показались первые кварталы Волгограда.

Я занимал место рядом с водителем, и мне было хорошо видно город, по которому мы проезжали. Всё выглядело так же, как я запомнил из своего детства. В основном это были трех- и пятиэтажные здания, построенные из серого кирпича и бетона. Главное, что бросалось в глаза: город не был завешен назойливой рекламой. Фасады домов украшены простыми геометрическими узорами и небольшими балконами с металлическими ограждениями. Но в отличие от будущих времен такие дома не выглядят удручающе, потому что штукатурка с них не осыпается и стены домов выкрашены свежей краской.

По улицам движутся советские автомобили: «Жигули», «Москвичи» и «Лады». Они стоят в небольшом количестве на перекрёстках и у светофоров. На дорогах машин, наверное, раз в десять меньше, чем мы привыкли видеть в будущем.

Вдоль тротуаров идут люди в простой одежде. Они спешат по своим делам, разговаривают друг с другом или просто, идут молча, погружённые в свои мысли.

К остановкам подъезжают автобусы, троллейбусы и гре-

мчат по рельсам старые трамваи. На немногочисленных киосках можно увидеть вывески: «Выпечка», «Соки, воды», «Союзпечать». Кое-где стояли жёлтые бочки с квасом, собирая возле себя небольшие очереди.

В воздухе витает городская суета: гул машин, людские разговоры, периодические сигналы автомобилей и звон трамвайных колёс.

Этот городской пейзаж оживляют ещё и элементы классического советского стиля: вывески с традиционными для позднего СССР надписями, лозунги и плакаты тех времён. «Да здравствует перестройка!», «Каждой молодой семье по квартире к двухтысячному году!». На улицах стоят деревянные скамейки, на которых часто можно увидеть пожилых людей, которые сидят по несколько человек, увлечённых беседой.

Вид из окна создаёт ощущение устоявшейся жизни, характерной для конца советской эпохи. В воздухе уже витает ветер перемен, многие будут с оптимизмом ждать, что их жизнь изменится к лучшему. Когда я смотрел на эту картину, мне вдруг подумалось, что если бы большинство из этих простых людей знали бы, что ждет их страну в будущем, то большинство из них, скорее всего, не захотело бы никаких перемен.

Тем временем мы уже выехали за город и стали ехать по асфальтированной дороге, всё удаляясь от города. Мой водитель, который представился мне как Сергей Саныч, рассказывал мне последние новости Волгограда. Я слушал его вполуха и всё больше глазел по сторонам. Где-то через час автомобиль выехал за пределы города и через километров двадцать заехал в небольшой дачный комплекс, где я увидел множество разных, не похожих друг на друга дачных домиков и участков. Сергей Саныч остановился у одного дачного домика, на вид очень добротного и больше похожего на небольшой деревенский дом. Ворота открыл подтянутый мужчина в белой майке, мы заехали во двор, и он закрыл за нами ворота.

Когда я вышел из машины, я смотрел на этого мужчину, в памяти парня, в тело которого я попал, всплыл образ подполковника Зверева Вячеслава Геннадьевича, его бывшего начальника.

— Дима! Привет, дорогой! — сказал он. Вячеслав Геннадьевич искренне и крепко обнял меня.

— Как я рад тебя снова видеть, извини, сам не смог встретить, ты же понимаешь, в нашем положении лучше не светиться. Пойдём за стол, там всё обсудим.

Мы прошли на веранду дачи, где, видимо, находилась летняя кухня. Сергей Саныч, который привез меня, перекинулся с полковником Зверевым парой слов и, попрощавшись, сел в свои «Жигули» и уехал. Подполковник Зверев усадил меня за стол.

— Да, Корс! Много, конечно, мы сил потратили, чтобы тебя вытащить! — сказал он. — Несколько лет тебе всё же пришлось провести за решеткой. Извини, по-другому не получилось, мы всё-таки не всемогущи. Те, кто тебя подставил, сидели очень высоко. Это ещё удача, что ты вообще до колонии дожил, не покончил с собой где-нибудь в следственном изоляторе в какой-нибудь пресс-хате. Прогнивает, прогнивает наша страна, ничего не скажешь. А уж в МВД сколько мразей развелось, и подумать страшно. Идейных и честных людей всё меньше.

Я сидел за столом и, конечно, чувствовал себя не в своей тарелке, к тому же из воспоминаний моего нового тела я узнал, что вроде бы раньше парень, в тело которого я попал, с этим подполковником друзьями не были. Хотя между ними были нормальные и доброжелательные рабочие отношения, какие могут быть между молодым опером и начальником уголовного розыска. Вячеслав Геннадьевич поставил на стол бутылку водки «Столичная» и поставил рядом две

рюмки.

— Ну давай первым делом выпьем за твое освобождение и за встречу! — он наполнил рюмки до краёв и взял одну в руку, а вторую поставил передо мной на стол.

Я взял рюмку, мы с ним чокнулись и выпили. На столе стояла простая закуска: маринованные огурцы, сало и жареная картошка. Была порезана колбаска и сыр. Молча закусив, Вячеслав Геннадьевич продолжил.

— Какие у тебя планы после освобождения? — взгляд его был внимательным и проницательным.

«После долгих лет оперативной работы уже автоматически начинаешь анализировать мимику собеседника, чтобы понять, врёт он или нет, и как реагирует на твои вопросы?» — догадался я.

— Не знаю, — ответил я вполне искренне. — Люди ведь как-то живут после тюрьмы.... Слава богу, руки и ноги у меня целы, голова на месте. Документы в порядке, устроюсь куда-нибудь.

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить! — сказал подполковник Зверев. Он взял со стола свою рюмку, поста-

вил рядом с моей и опять налил в неё водки до краёв.

— Я хотел бы предложить тебе продолжить работу в милиции! — сказал полковник. Мне показалось, что я ослышался. Я внимательно посмотрел на него, думая, что подполковник уголовного розыска так странно шутит. Подполковник Зверев был крепким мужчиной среднего роста, с темными волосами, немного скуластым лицом и с цепким взглядом. На его правой щеке был небольшой побелевший от времени шрам.

— Не совсем понимаю, — удивленно сказал я, пожимая плечами. — Я же теперь судимый! Кто меня возьмёт в милицию?

— Ты человек надёжный, — задумчиво ответил полковник — Жизнь показала, что ты принципиальный. Я хочу предложить тебе стать тайным агентом и внедриться в одну серьезную преступную группировку.

Я молча смотрел на полковника и думал, что ответить, а он молча ел, давая мне возможность подумать.

— Подождите, товарищ подполковник...

— Называйте меня просто Геннадьевичем!, — сказал под-

полковник Зверев.

— Послушайте, Вячеслав Геннадьевич, — Я хоть немного поработал в милиции, но всё же меня может кто-нибудь узнать.

— Тебе предстоит выполнить задание и внедриться в преступную группировку в другом городе, который находится далеко отсюда. Внешность у тебя, ты уж извини, не самая запоминающаяся. Мы изменим твои документы в соответствии с легендой, и ты будешь тоже детдомовский, и ничего не будешь знать о своих родителях и вообще откуда ты родом.

Тебя посадили в тюрьму в возрасте двадцати четырёх лет, когда ты выглядел еще как зеленый пацан, а сейчас тебе уже почти тридцать, и ты выглядишь как взрослый матерый мужчина. Даже если кто-то заметит сходство, то это уже не вызовет серьезных подозрений. — Подполковник встал из-за стола и положил на тарелку колбасы и сыра. Наливая рюмки, он продолжил:

— Конечно, я в любом случае помогу тебе устроиться после тюрьмы, но всё же подумай над моим предложением. Ты ведь был хороший оперативник! Может быть, ты всё-таки захочешь продолжить службу? К сожалению, реабилитиро-

вать перед законом и снять судимость с тебя, это вряд ли у нас получится. С нашим правосудием и судьями это очень непросто. Судьи не любят признавать, что посадили невиновного человека, даже если сами будут понимать, что его подставили! Хотя кто знает? Если постараться, то, возможно, и удастся доказать твою невиновность! Ну, а пока ты можешь поработать секретным агентом.

Я задумался. Может быть, это то, что мне нужно? Я ведь хочу предотвратить теракт. Выполнить задание, ради которого меня сюда и отправили. Будучи агентом, я смогу в нужное время передать информацию о готовящемся теракте. И поскольку я буду штатным агентом, эту информацию обязательно проверят. И есть большая вероятность, что у меня всё получится. Надо соглашаться.

— А куда мне предстоит внедриться? К уголовникам? Они ведь быстро распознают засланных агентов. Там очень серьезная и длительная подготовка нужна! И человек нигде ранее засвечен не должен быть, людей годами к такому внедрению готовят.

— К счастью, нет! — покачал головой Геннадьевич. — Сейчас есть люди, которые выглядят законопослушными, но творят такое, что преступникам и не снилось! Кстати, на тебя будут распространяться все льготы, как на сотрудников

МВД, то есть бесплатный проезд в отпуск и санаторий. Ну а жить будешь на конспиративной квартире. Думаю, в твоём положении это дополнительные преимущества. Ну что, согласен?

Я и не знал, что думать, слишком неожиданно для меня появился этот подполковник Зверев.

— Ну хорошо, я согласен!

— Отлично! — кивнул полковник. — Давай, Дима, выпьем за это. Раз уж ты согласился, давай это отметим, хотя я, честно говоря, был уверен, что ты согласишься. Оперская жилка в тебе неистребима. Да и вообще такие парни, как ты, — это просто идеальные агенты. Как говорится, «настоящий опер должен быть неженатым и желательно сиротой».

— Ну да, действительно про меня! — я грустно засмеялся.

Мы налили ещё по одной стопке и выпили.

Глава 3

— Пойдём, покажу тебе свой сад. Я его лет пятнадцать выращивал, пойдём похвастаюсь, пока не стемнело, — сказал полковник, вставая и немного потягиваясь. Мы вышли с веранды дачи и пошли в сторону деревьев в глубине дачного участка.

— Пару недель пока подготовишься к внедрению, да и вообще привыкнешь к жизни на воле, поживёшь на моей даче. А я пока сделаю тебе новые документы. Привезу тебе кое-какие рабочие материалы, чтобы ты мог знакомиться с известной нам информацией. За это время ты подготовишься, потом будешь внедряться. На всё про всё у тебя недели две, но я думаю, в нашем случае этого будет достаточно.

— А куда вы хотите меня внедрить? Да и каким образом, вы ведь так и не рассказали! — тихо спросил я, когда мы шли по небольшому саду. Дома в этом дачном поселке находились достаточно далеко от дороги, поэтому нас никто бы не услышал.

— Мы внедрим тебя под видом водителя-экспедитора на мясокомбинат. Водители занимаются перевозкой нелегальных и неучтенных грузов, по роду деятельности они многое

видят и знают!

— Водителем на мясокомбинат? — я не смог сдержать смех, но потом взял себя в руки, когда увидел, как брови полковника удивленно поползли вверх. — Вы же сказали, что собираетесь внедрить меня в какую-то серьёзную преступную группировку. А теперь говорите — мясокомбинат!

— Н-да, брат, — посмотрел на меня удивлённый полковник. — Да ты, как я посмотрю, серьезно отстал от жизни. Мясо — это в наше время товар намного ценнее золота. Люди ведь всегда хотят есть мясо. Оно всегда будет востребовано. Без золота, импортных шмоток или других каких-то дорогих цацек можно прожить легко и спокойно, а вот без хорошего мяса человеку будет жить очень тяжело. Поэтому сейчас те, кто сидит на производстве мяса и колбасы, можно сказать, нашли золотую жилу и занимаются хищениями мясной продукции просто безбожно. Суммы фигурируют там такие, что многие из людей, которые раньше даже не имели отношения к криминалу, идут на страшные преступления ради того, чтобы остаться поближе к такой кормушке. Убийство в их среде уже совершенно не редкость. Это, в общем-то, и послужило причиной того, что мы решили внедрить к ним тебя, нам нужно собрать неопровержимую доказательную базу.

— Должен тебя предупредить, что задание будет довольно опасным! Одного следователя, который возбудил дело о хищениях на этом мясокомбинате, убили и обставили это как несчастный случай. А самое интересное, что вести полноценное расследование и выйти на преступников нам очень сильно мешают сверху. А это говорит о том, что у всей этой преступной группы хозяева и организаторы где-то в правительстве нашей области. А это, сам понимаешь, какая сила.

Геннадьевич остановился и посмотрел мне в глаза своим цепким пронизательным взглядом.

— Если честно сказать, мы и так практически всё знаем. Информация эта засекречена, — продолжил он, — но на свой страх и риск мне многое придется рассказать, чтобы ты понимал, с чем тебе придётся столкнуться. Все ниточки уходят наверх, и очень высоко наверх. Поэтому без хорошей доказательной базы нам этих тварей не остановить.

— Так они, наверное, ведут себя очень осторожно. Как именно я к ним буду внедряться. С улицы, наверное, не придёшь и просто так водителем к ним не устроишься?

— Да нет, конечно, — сказал полковник. — Там на пушечный выстрел никого непроверенного близко не подпустят. Все теплые места передаются или между родственни-

ками, или по большому благу проверенным людям. Реально на «мафию» похоже, слышала такое слово?

— Приходилось, — уклончиво сказал я. — У итальянцев так кланы организованной преступности называются.

— Вот именно! — многозначительно сказал полковник. — С нашей этой долбанной перестройкой мы до перестроились до образования мафиозных преступных группировок в коммунистическом государстве. Теперь и у нас это явление стало повседневной реальностью. И всё потому, что кому-то там наверху это стало очень выгодно. Видимо, тоже хотят жить, как богачи живут за границей.

Я молча смотрел на него и чувствовал себя странно, потому что я-то знал точно, к чему, в конце концов, вся эта вседозволенность среди чиновников и приведет..., к развалу СССР, а потом и жителям России будет ой как несладко. Но сейчас, в 1988 году, этого еще не случилось, и я еще больше захотел сделать всё возможное, чтобы предотвратить катастрофу. Подполковник Зверев подошёл ко мне поближе и тихо произнес:

— У нас там есть свой человек на заводе. Он поможет тебе устроиться, но это, кстати, всё равно будет непросто сделать. Сначала придётся разработать целую операцию, чтобы уво-

лить одного из водителей. А когда они будут искать замену, тогда наш человек уже приведёт тебя к начальнику завода со своими рекомендациями. Состряпаем тебе новые документы и правдоподобную легенду. Завтра привезу тебе информацию о тех людях, которых ты будешь разрабатывать. За недельку другую ознакомишься с материалами, а заодно и отдохнёшь, можешь пока тут порыбачить на речке, чистым воздухом подышать, купаться здесь, кстати, очень хорошо, речка отсюда совсем недалеко. И девчонки городские часто на берегу реки загорают... Эх, как посмотрю на них иной раз, так всегда думаю, где ж мои двадцать лет? Ну или хотя бы тридцать?

Когда уже стемнело, за полковником приехал Саньч.

— Ну, бывай, Дима. Отдыхай, будь тут как дома. Я соберу для тебя всю необходимую информацию. Через пару дней приеду. В холодильнике есть продукты, постельное белье в шкафу, — сказал он, выходя со двора.

Я закрыл за ним калитку, Геннадич сел в «Жигули», которое лихо развернулось и покатило в сторону города.

Уже почти совсем стемнело, я сел на крыльцо и задумался. Итак, что теперь получается, что подполковник Зверев окажет мне поддержку. Очень неожиданно для меня, когда

меня готовили к этому заданию, естественно, в планах такого не было. Но я теперь в полной автономке, и мне придется все возникшие проблемы решать самому, посоветоваться мне совсем не с кем, те ученые, которые меня отправили в прошлое, в этом времени, либо еще не родились, либо ходят в начальную школу.

Я согласился на предложение подполковника Зверева, а это значит, что я буду считаться штатным агентом милиции и сам смогу передавать информацию напрямую в управление МВД. До теракта ещё достаточно много времени, и я надеюсь придумать, как преподнести эту информацию так, чтобы большие начальники в управлении МВД мне поверили и предотвратили этот злополучный теракт. Так что шансы выполнить задание в такой ситуации у меня сильно повышаются. Оно, конечно, расстояние между Волгоградом и Уфой довольно немаленькое — более тысячи километров. Но я не думаю, что это большая проблема. Чтобы я выполнил это задание, ученые ценой собственной жизни вернули меня в прошлое на сорок лет назад. У меня теперь есть ноги и молодое тело и возможность прожить жизнь заново. Разве меня после всего этого могут остановить какие-то тысяча километров?

Закрыв тяжелую деревянную дверь веранды, я прошел внутрь уютного дачного домика.

Я прислушался к ночным звукам дачного поселка, и мне показалось, что даже воздух здесь наполнен теплом деревенского домашнего уюта. Воздух стал заметно прохладнее.

Осторожно ступая по гладкому полу кухни, я подошел к старому холодильнику. Его тусклые лампочки осветили внутреннее пространство мягким светом. Да помню в детстве у меня дома стоял такой.

Внутри находился простенький набор продуктов. Огромный кусок ароматного свиного сала переливался аппетитным блеском. Банка с сочными помидорами и хрустящими огурчиками манила своей свежестью. Рядом целая палка докторской колбасы нежного розоватого цвета, на полке лежали с десяток яиц, стояли две бутылки кефира (да, того самого, с крышечкой из фольги!), и нежнейшее сливочное масло.

Когда я открыл дверцу морозилки, оттуда меня обдало бодрящей прохладой. Внутри, лежали три замороженные курочки, которые ждали своего часа, чтобы стать вкусным бульоном. Рядом с холодильником стоял большой мешок из плотной ткани, наполненный молодой картошкой.

В кухонном шкафчике стояла литровая прозрачная стеклянная бутылка с золотистым маслом, пачка грузинского чая и мешочек с конфетами. Это были мои любимые с детства

«подушечки». А на столе в большой вазе лежали свежие яблоки. Всё это вместе создавало картину какого-то надежного и спокойного уюта. Да я и не был особо привередливым в еде, для меня такой набор продуктов был просто изобилием.

В общем, жить можно. К тому же лето уже наступило, а деньги у меня есть, может, и у дачников с огорода свеженьких овощей куплю или еще чего вкусного, ягоды какой-нибудь, например.

Дачный домик вообще был довольно уютным. Я зашёл в комнату. Там стояли диван и кровать. На тумбочке был маленький чёрно-белый телевизор. Я немного повозился с ним, пока вспоминал, как он включается. Нужно быть в курсе новостей этого времени, а то буду выглядеть как идиот или вообще чего доброго вызову какие-нибудь подозрения, вряд ли, конечно, кто-нибудь подумает, что меня прислали из будущего, скорее решат, что у меня не в порядке с головой.

Покрутив немного комнатную антенну телевизора, мне наконец-то удалось поймать четкий сигнал. Экран ожил мерцанием статичных кадров. Шла программа «Время», женщина-диктор, как её звали, я уже не помню, рассказывала последние новости дня. Опять, как водится, речь шла о великом руководителе страны Михаиле Горбачёве, о перестройке и его эпохальной программе сокращения вооружений,

разоружения, ликвидации ядерного арсенала, ракет средней и меньшей дальности. Что ж тут скажешь... Мне, в недавнем времени, точнее в будущем, подполковнику военной разведки, тяжело было смотреть, как рассказывают о глобальной подготовке к гибели СССР. Горбачёв, конечно, был не единственным, кто из правительства разрушал мощь Советского Союза, отдавая ключи от ядерного стратегического щита в руки американцев. Я сидел и смотрел, как показывают кадры стратегических ядерных ракет, которые лежат порезанные на металлолом. Журналист с энтузиазмом рассказывал, как совместно с американцами СССР будет утилизировать ядерные боеголовки. С упоением репортеры рассказывали, какие американцы оказались хорошие и милостиво разрешили СССР вывести свои ядерные боеголовки в США для демонтажа. В итоге Советский Союз, а потом и Россия вывезли в США пятьсот тонн урана высокой очистки!

Сами же американцы окрестили эту сделку «Аферой тысячелетия», во-первых, потому что она имела просто грандиозные масштабы, во-вторых, была заключена обманным путем. Многие российские и американские СМИ стремились представить ее как заурядное коммерческое соглашение. Общая сумма сделки за поставку пятисот тонн урана была определена в двенадцать миллиардов долларов. Между тем стоимость указанного объема высокообогащенного урана несопоставимо выше.

Чтобы произвести такой объем оружейного урана, в горнодобывающей и оборонной промышленности страны несколько сотен тысяч высококвалифицированных сотрудников и ученых трудились в течение примерно сорока лет. Урановое производство было очень опасное, десятки тысяч людей потеряли там здоровье и трудоспособность, и сильно укоротили свои жизни.

Люди осознанно шли на такие громадные жертвы ради того, чтобы ковать ядерный щит страны и обеспечить спокойную мирную жизнь СССР. Этим ураном обеспечивался военно-стратегический паритет в мире, что резко снижало риск возникновения мировой войны.

Согласно оценкам, которые потом были сделаны специалистами еще в конце прошлого века, реальная стоимость пятисот тонн оружейного урана составляла в то время не менее восьми триллионов долларов. Реальная стоимость урана оказалась эквивалентной двадцати годовым ВВП СССР! Получается, американцы выкупили этот оружейный уран у России по цене в 666 раз меньше его стоимости. Я внутренне грустно усмехнулся над этим дьявольским числом.

Позже историки назовут этот сговор величайшей махинацией века — ни один самый хитрожопый торговец за всю

историю человечества не сумел повернуть сделку, принесшую такую сверхприбыль. Даже голландцы, купившие Манхэттен у индейцев всего лишь за двадцать четыре доллара, нервно курят в сторонке.

Отключив телевизор, я присел на край дивана, не заметив, как веки сомкнулись сами собой. Я опустил голову на подушку и незаметно провалился в сон.

Я проснулся рано утром. Бросил взгляд в окно и увидел, что солнце только-только взошло. Я огляделся по сторонам и не сразу понял, где нахожусь. По привычке я приподнялся на руках, откинул одеяло и с удивлением посмотрел на свои ноги. Потом пошевелил пальцами, опять упал на подушку и так лежал минут десять. Постепенно я вспомнил, что со мной произошло и где я нахожусь. Учёные предупреждали о чём-то подобном. Говорили, что мне будет поначалу непривычно и возможны провалы в памяти, но со временем это должно пройти. Я встал с кровати, тело меня всё ещё плохо слушалось, но через несколько минут чувствительность конечностей восстановилась, и я двигался, как ни в чём не бывало. Странно, ощущать свое молодое тело, осознавать, что ты можешь двигаться, бегать, тебе все по плечу! В будущем, я уже несколько лет, был просто куском мяса, лежащим на кровати, а теперь у меня молодое тело с ногами, которое может бегать и прыгать, и я надеюсь, что эти проблемы с ощу-

щениями своего тела и небольшой временный провал в памяти — это явления временные.

Я вышел во двор прямо в трусах. Было немного прохладно, я не стал обуваться, мне хотелось почувствовать ногами утреннюю траву. Я подошёл к умывальнику и начал умываться холодной водой. От этой прохладной воды я фыркнул от удовольствия. Мне хотелось дышать полной грудью, бегать и прыгать, от прежнего состояния, когда я с некоторым трудом двигал руками и ногами, не осталось и следа. Как же мало человеку нужно для счастья! Здоровое тело — это уже очень много. Это дар небес, который мы чаще всего растрачиваем по глупости.

Я зашёл в дом, поставил сковородку на газовую плиту с двумя конфорками. Чиркнул спичкой и зажёл газ. Налил постного масла из стеклянной бутылки, которую я достал из кухонного шкафа. Поджарил пару ломтей докторской колбасы и разбил на сковороду несколько яиц. Отрезал корочку от буханки белого хлеба. Нашёл в кухонном шкафу маленькую пачку грузинского чая. На пачке было написано «Чай Грузинский «3 сорт»». Развернув бумажную упаковку, я понюхал, как пахнет чай. Судя по запаху, он был достаточно крепким. Судя по налёту внутри чайника, чай здесь заваривали прямо в самом оцинкованном чайнике, поэтому я высыпал треть пачки чая в уже закипающую воду. Сняв с плиты

сковородку, я поставил её на деревянную подставку. Налил горячего чая и начал завтракать. Я собрал кусочком хлеба остатки масла со сковородки и запил их чаем. Помню, в детстве я любил так делать, да, наверное, и не я один.

После завтрака я решил прогуляться и как следует осмотреть окрестности. Первым делом мне не терпелось осмотреть берег реки и поближе увидеть, какой там пляж и насколько он удобен для купания. Я надел трико и футболку и вышел за калитку дачи.

Я шел тропинкой вдоль тихих улиц, радуясь тишине раннего утра. Дачный поселок утопал в зелени, воздух пропитан ароматом свежей листвы и трав. Через пять минут я спустился к берегу. Река оказалась совсем небольшой, где-то в полсотни метров шириной, однако и такого пространства вполне хватало для приятного освежающего купания, да и можно было вдоволь поплавать в размахку.

Был еще ранний час, солнце только лишь начинало согревать землю своими лучами, отчего вода в реке не прогрелась и оставалась еще достаточно прохладной. Разувшись, я осторожно коснулся воды босой ступнёй, ощутил приятное покалывание от холода. Затем сбросил лишнюю одежду, оставшись лишь в одних трусах, я медленно вошёл в реку, почувствовав восхитительный контраст между теплом утреннего

солнца и свежестью водной глади.

Плавая в реке и разгребая руками прозрачную гладь воды, я почувствовал своё единство с природой. Как приятно осознавать, сколько радости приносит простейшее удовольствие от купания в прохладной воде.

Я отплыл от берега, наверное, на двадцать метров. Обернулся и увидел, как по песчаному пляжу идёт девушка в лёгком летнем сарафане, нежно голубого цвета, в мелкий горошек, ее черные длинные волосы были распущены их слегка касался легкий ветерок, она шла по берегу босиком, в руках держала светлые босоножки. Когда до перемещения сюда я лежал на больничной кровати с оторванными ногами, я просто старался о девушках не думать. А когда я переместился в прошлое, то видел девушек только издалека, пока мы ехали на машине через Волгоград до дачи подполковника. Мои руки сами начали грести к берегу, чтобы рассмотреть её поближе. И было на что посмотреть: длинные чёрные волосы почти до самой спины, стройная фигура.

Она расстелила одеяло недалеко от воды и начала располагаться на берегу. Эта стройная красотка сняла сарафан. Оказалось, что под сарафаном у неё отдельный красный купальник. Её длинные чёрные волосы падали шелковистыми каскадами вдоль спины, мягко очерчивая шею и плечи, по-

добно черному бархатному потоку, переливаясь на солнце всеми оттенками ночи. Даже с расстояния двадцати шагов я увидел, что личико её было нежным, а глаза подобны двум глубоким морским лагунам, сияющим чистым голубым цветом. Да, фигура у неё была сногсшибательная: длинные ножки с сочными бедрами, узкая талия и приличных размеров грудь. Девушка легла на одеяло и начала загорать, листая какой-то журнал.

Я уже давно не знакомился с девушками, раньше в молодости для меня не было проблемой подойти к женщине и познакомиться. Да и сейчас вряд ли для меня это будет сложно. Я, конечно, в этом дачном поселке совсем ненадолго, да и девушка, скорее всего, тоже приехала сюда на время отдохнуть откуда-нибудь из города. Хотя чего я теряю: познакомиться и поболтать с такой красоткой — это тоже всегда приятно, даже если у этого знакомства не будет продолжения.

Я уже почти подплыл к берегу, когда услышал, что из-за ближайших деревьев донеслись громкие возгласы. Через пару минут показалась компания из трёх парней, которые громко и оживленно разговаривали и смеялись.

Когда эта веселая компашка подошла поближе, я увидел трех молодых парней примерно лет двадцати от роду. Они были одеты в трико и кроссовки, майки или рубашки они

несли в руках, потому как были с голым торсом. Их полуголые тела были поджарыми и жилистыми, как у большинства подростков и, да и взрослых мужчин во времена СССР. В руках у одного из них была стеклянная бутылка, явно не с лимонадом и даже не с пивом. На ней хорошо было видно этикетку «Столичная».

Парни сразу увидели девушку и оживились ещё больше. Подойдя к ней поближе, двое из них остановились возле неё, а один плюхнулся на песок рядом с ней.

Эти парни, в отличие от меня, не стали долго думать, а сразу решили подкатить к этой красотке. Она сначала пыталась не обращать на них внимания, потом отшучивалась, но потом встала и начала собирать одеяло.

Компания этих пьяных парней была для неё незнакомой и явно неприятной. Но не тут-то было! Один из парней, самый крупный из них, с короткой причёской, начал хватать её за руки и настойчиво уговаривать её остаться с ними. Девушка вырвалась и попыталась уйти.

Другой парень с рыжей копной волос на голове догнал её попытался снова схватить её за руки и предложил весело провести время за распитием спиртных напитков.

К этому времени я уже вылез на берег и, слегка пошатываясь от того, что проплыл несколько сотен метров в размаху, пошёл по песку в направлении этой компании.

— Эй, мужики! — сказал я. — Чего вы к девушке приста-
ли? Она просто хочет спокойно позагорать чтобы ей никто
не мешал.

Один из них, самый мелкий по сравнению с остальными,
и как водится поэтому видимо самый дерзкий повернулся ко
мне.

— Ты ещё кто такой? — спросил он.

Внимание всех парней сразу переключилось на меня.

— Он тоже, наверное, городской, — сказал, ухмыляясь,
здоровый парень с короткой причёской.

— Вы что, вместе? — спросил рыжий пацан, кивнув в сто-
рону девушки.

— Нет, мы не вместе, но я бы вам советовал вести себя
прилично, — сказал им я. — Если уж с утра вы выпили лиш-
него, то нечего к людям приставать.

— Ты что так базаришь?! — заорал крепыш, вальяжно двигаясь в мою сторону не совсем твёрдой походкой. Почти пустую бутылку из-под водки он перехватил в своей руке и теперь её держал как дубинку, подняв руку для замаха и удара о мою буйну головушку. Я приготовился к драке, меня, конечно, немножечко шатало после хорошего заплыва, но заднюю врубать было уже поздно. Да я и не любитель отступать, поэтому-то, собственно, и лишился ног в своём времени. Я стоял и ждал, пока этот клоун подойдет поближе. Рассчитывая увернуться от его удара бутылкой и уложить его на песок жесткой подсечкой.

— Петька, а ну стой! — услышал я вдруг грубый голос. Тот парнишка, который хотел огреть меня по голове бутылкой из-под водки, остановился и немного ошарашенно оглянулся назад. К нему подошел рыжий парень, который, видимо, в этой троице был неформальным лидером. Он положил на плечо «Петьки» руку и забрал у него его холодное оружие в виде полупустой бутылки «Столичной».

— Ты что, десантник? — дерзко, но все-таки как-то настороженно спросил он, глядя мне в глаза.

— С чего ты так решил? — не понимая, спросил его я.

— Ну, у тебя же татуировка шеврона ВДВ на плече, —

сказал он, показывая на моё левое плечо.

Я только сейчас вспомнил, что парень, в тело которого я попал, был десантником.

— А, в этом смысле! Ну да, было дело!

— Ты совсем дурак, Петя, — сказал он, отвечивая подзатыльник своему более пьяному другу. — Ты хоть смотри, на кого прёшь. Он бы тебе сейчас эту бутылку в жопу бы засунул. Видал я таких! Пошли лучше с причала поныряем.

Троица как ни в чем не бывало собрала свои вещички и двинулась куда-то дальше по пляжу

Посмотрев на виновницу этого утреннего переполоха, я наконец-то рассмотрел её лицо вблизи. Личико у девушки оказалось ещё более красивым, чем я мог представить. Честно говоря, я грешным делом надеялся, что она меня сейчас будет благодарить за то, что я помог ей отшить этих молодых балбесов.

— И часто у вас тут такое бывает? — спросил я, стараясь не упустить подходящего случая завести с ней знакомство.

— К счастью, не часто! — резко ответила девушка. — Не

понимаю я вас, мужчин, вам бы только драться или друг перед другом хвастаться кто из вас круче. — раздражено сказала она натягивая на себя сарафан. — Всё настроение мне только испортили.

Девушка собрала свои вещи и быстро пошла в сторону дачного посёлка, быстро, но очень изящно ступая по песку босыми ногами.

— Вот тебе на! — сказал я вслух от неожиданности, глядя ей вслед. — Хрен поймёшь этих женщин!

Вроде же я её от хулиганов спас, да так удачно, что даже мордобоя не случилось. А она тут, гляди-ка, чего: настроение ей, оказывается, испортили!..... Да и хрен с ней. Лучше еще раз искупаюсь. Зайдя в воду, я нырнул, стараясь проплыть под водой как можно большее расстояние, ещё немного поплавал, честно говоря, у меня настроение тоже немножечко подпортилось. Честно говоря очень хотелось пообщаться с этой красоткой. А тут эти малолетние алкаши, блядь, припёрлись и всё испортили.

Пока я плавал в реке, я порылся в памяти этого парня, в тело которого я попал. Забавно! А ведь он, хотя и служил в десанте, на самом-то деле был водителем какого-то большого начальника из тыловигов... И даже с парашюта ни разу не

прыгал. Да и драться-то особо не умел, хотя спорт любил и занимался им с детства. Имел какие-то разряды по волейболу и прочей легкой атлетике. Поэтому у него, а теперь и у меня, и такое крепкое телосложение и отличная спортивная форма. А пока он служил в армии, он наколок дембельских понаделал, перекрещенные парашюты на плече, (шеvron десантных войск), а на ребре правой кисти наколота фраза «За ВДВ». Надо же, а парни-то одних этих наколок десантных испугались. Я засмеялся вслух и чуть не нахлебался речной воды. Не хватало мне ещё от смеха утонуть. Ну, хватит купаться. Я выбрался из воды, взял одежду прямо в трусах и босиком направился в сторону дачного домика подполковника Зверева, где мне предстояло провести ещё около двух недель.

Идя по тропинке к дачному посёлку я вспомнил, что в будущем, через десятки лет после развала Союза, модно станет говорить, что в Советском Союзе человек не был свободен. А мне кажется, что как раз наоборот. Например, если мужчина шёл с пляжа в плавках или женщина шла с речки в купальнике через весь посёлок, это считалось абсолютно нормальным. А сейчас мужчину за такое могут обвинить чёрт знает в чём, да ещё и заявление в милицию написать о развращении малолетних, и доблестная прокуратура за такое ещё и посадит как два пальца об асфальт. Не упустят прокуроры жирную палочку поставить. А если в двадцатые годы двадцать

первого века учительницу в купальнике увидят, так это вообще ЧП районного масштаба. В СССР такой бред бы и в голову не пришёл. Я прекрасно помню, как на каникулах мы на речке купались вместе с учительницами, когда ходили в походы летом.

Я вернулся на дачу, на всякий случай внимательно осматриваясь по сторонам. К счастью, мои недавние знакомые не попытались напасть на меня исподтишка.

Зайдя на дачу, я увидел во дворе подполковника Зверева.

— Привет, Дима! — сказал он, улыбаясь. — Решил прогуляться и искупаться. Как водичка?

— Отлично, — ответил я. — Прохладненькая. Очень освежает!

— Позже тоже пойду искупаюсь. А сейчас пойдём в дом дело есть!.

Мы вошли на веранду, и Геннадьевич махнул рукой, приглашая меня войти внутрь дома, в комнату, где стояла кровать и телевизор. Подполковник подошёл к шкафу и открыл его, я чуть не присвистнул от удивления. Это был обычный старый шкаф с антресолями, какие вывозили на дачу или

без сожаления выбрасывали на помойку. А у Геннадьевича там был встроен железный сейф. Который можно было обнаружить, только открыв дверцу шкафа и отодвинув заднюю стенку. Подполковник Зверев открыл ключом сейф и достал оттуда большую стопку бумаг.

— Вот папки, — сказал полковник, выкладывая документы на стол, и лицо его стало серьёзным. — В них содержится вся информация, которую мы имеем об этой преступной группировке.

— Кровь стынет в жилах, когда думаешь о масштабах воровства, коррупции и хищений, — продолжил он. — Все хищения и преступления происходят с ведома официальных властей.

Я поднял брови, когда полковник произнёс это.

— Да, Дима, это правда, — сказал он. — В партии и в прокуратуре, а также, честно говоря, в милиции, у этой мафии есть свои люди. И в КГБ, видимо, тоже есть свои люди, иначе контора давно бы прекратила этот беспредел. Но мы не будем просто сидеть и ничего не делать, — сказал полковник и ударил кулаком по столу. — Слава богу, осталось еще много сотрудников милиции, которые хотят прекратить это тотальное воровство.

Подполковник замолчал, и по его выражению лица было видно, что он реально переживает за свою страну. Я не удержался и спросил его:

— Думаете, мы реально сможем остановить это все, если воровство идет с самого верха? —

— Я часто вспоминаю, как я родился после войны, Дима! — задумчиво продолжил Геннадиевич. — Тяжело было: голод, нищета, разруха. Но мы все равно все были счастливы, потому что мы знали, что победили немцев, которые пришли, чтобы нас уничтожить. Мы победили, и теперь будем жить, понимаешь, Дима, жить.

Тогда никто не гнался за деньгами, машинами и сервизами, а сейчас я не понимаю, что происходит с людьми. — искренне говорил Геннадьевич. — И самое главное, я не понимаю, как те, кто ворует и отнимает все у народа, не понимают, что так продолжаться вечно не может. Рано или поздно тот, кому нечего терять и нечем кормить детей, возьмёт в руки вилы. Мы с моими соратниками долго собирали информацию и в принципе многое знаем. Пора вывести их на чистую воду, но доказательства должны быть железными. Десять лет назад хватило бы одних этих подозрений, чтобы арестовать этих бандитов... А сейчас это не работает. Поэтому

нужны улики против высокопоставленных лиц нашего города и области, на тех, кто стоит за всем этим.

Мы приступили к изучению известной информации. Часа два подполковник Зверев показывал мне фотографии интересующих нас людей и рассказывал о них всё. Затем я пересказывал ему по фотографиям информацию на каждого человека: фамилию, имя, отчество и то, чем он занимается. Иногда мы ходили перекурить и попить чаю.

— Хорошо, — сказал полковник ближе к вечеру. — Утром ещё раз пробежимся по всем картотекам.

Уже вечерело, и полковник Зверев собрался уезжать.

— Кстати, тебе же нужны новые документы? Какое имя ты выберешь?

Я задумался. Ух ты! А это ведь возможность называться своим привычным именем.

— Ну не знаю. Всегда мечтал быть Серёгой, почему-то нравилось мне это имя, — сказал я вслух.

— Ну, хочешь быть Серегой — будешь Серегой! — засмеялся подполковник. И протянул мне руку для рукопожатия.

— Ну, бывай! Через два дня наведаюсь, а пока можешь отдыхать.

Вечер провёл за просмотром телевизора и за размышлениями. Следующее утро я начал с того, что повторил всю информацию о преступной группировке.

День близился к концу, и я решил прогуляться на речку. К вечеру вода всегда прогревается лучше и становится комфортной для купания, хотя в холодной водичке поплавать я тоже очень люблю.

Спустившись по берегу к реке, я увидел, что в речке по пояс в воде плещается девушка. Я любовался её изящными формами и подходил ближе. Ба! Так это же моя старая знакомая. Невозмутимая красотка, которую я спас от гопников. Я остановился метрах в трех от неё и начал раздеваться, складывая одежду на песок.

Когда она вышла из воды, я с замиранием сердца начал любоваться ей. У неё была красивая и женственная фигура, но при этом сразу было видно, что девушка в хорошей спортивной форме. Она заметила меня и, приветливо помахав рукой, улыбнулась и подошла ко мне ближе.

— Здравствуйте! Меня Олеся зовут, — с улыбкой сказала она. — Извините, я в прошлый раз вам нагрубила! Эти хулиганы меня тогда здорово напугали. — оправдывалась девушка с трогательным выражением на её милом личике. Видимо, она относилась к тому редкому типу красивых девушек, которые ведут себя естественно, не пытаясь произвести впечатление на мужчин, но как раз этим и привлекают внимание многих парней, именно своей непосредственностью.

— Сергей, — ответил я и протянул ей руку, девушка с улыбкой ответила на рукопожатие. Я взял своей ладонью её хрупкую руку и нежно пожал её. Черт! Только бы не влюбиться в эту красотку. Мой любимый типаж женщины, чем-то даже напоминает мою жену из будущего времени.

— Ты тут с друзьями отдыхаешь? — спросил я, все-таки стараясь побольше узнать об этой красотке и продолжая надеяться на то, что наше знакомство перерастет в какое-то более интересное русло.

— Нет, я приехала на пару дней к своим родителям, у них тут недалеко есть дачный домик. — ответила она, вытираясь полотенцем, а я героически старался, чтобы мой взгляд предательски не опускался на её грудь.

— Тут у моего хорошего знакомого дача, так что я здесь в

гостях! — сказал я. — А ты, наверное, ещё где-то учишься? — спросил я немного смущаясь. Черт побери! Да я, наверное, покраснел?! Надо же, я смущаюсь при виде этой красоты. Сам от себя такого не ожидал.

— Да я перехожу на пятый курс юрфака. Буду юристом, — ответила она, вытирая волосы полотенцем. — Хочу в прокуратуре работать.

— Ничего себе! — удивился я. Честно, я был в шоке. Думал, что девушки тогда мечтали о чём-то более романтичном, типа медсестры или учительницы. — Значит, такая милая красавица станет суровым прокурором! — попытался я сделать комплимент, но на девушку это не произвело впечатления. Было видно, что она привыкла слышать комплименты от мужчин довольно часто, особенно, наверное, на пляже.

— А ты чем занимаешься? — спросила она.

Вот тут я завис. Как же ей ответить? Вопрос застал меня немного врасплох. Надо придумать себе какую-то правдоподобную легенду. Об этом мы с подполковником Зверевым как-то еще не думали.

— Да вот... Сейчас на работу устраиваюсь...

Она вытерлась полотенцем и завязала его вокруг талии, положив своё легкое летнее платьице в небольшую сумку.

— Может, тебя проводить? — спросил я, не оставляя надежды продолжить знакомство.

— Не надо, — ответила она.

— Наверное, муж будет против? — с улыбкой попытался пошутить я.

— Какой ты догадливый, парень!, — засмеялась Олеся и пошла по песку в сторону дачного поселка.

Мне оставалось только смотреть ей вслед и думать. Да, как говорится — раскатал я губу!

— Ну и ладно, теперь я молод и могу ходить, — сказал я и посмотрел на свои стройные мускулистые ноги. — Выполню свое задание, а потом и подумаю о том, как устроить личную жизнь, и, может, даже женюсь. Но это все потом, а сейчас надо думать о том, как выполнить задание.

Уважаемые читатели, большая просьба подписываться на автора и ставить сердечки! Это жизненно необходимо для написания книги!

Глава 4

В это летнее воскресное утро Алексей открыл глаза и сладенько потянулся после крепкого сна. На этот день у него был один план — отправляться на долгожданную рыбалку.

Лето, берег реки и удочка — что могло быть более желанным в воскресенье для молодого двадцатисемилетнего парня, у которого жизнь складывалась самым удачным образом. Алексей считал себя счастливым среди своих бывших товарищей и школьных приятелей, которые закончили институты и техникумы, а теперь трудились на заводских производствах, тогда как сам он работал вроде бы как простым водителем. Но по сравнению со своими ровесниками он чувствовал себя, как говорится, «кум министру, брат королю». Его работа водителем на развозе мяса и колбасы — это была несбыточная мечта многих мужчин времен дефицитов в СССР. Правда, эта должность досталась ему не без содействия матери, работавшей уже двадцать лет в бухгалтерии на местном мясокомбинате.

Работа водителя приносила Алексею много денег, потому что он был незаменимым звеном в реализации левой продукции, которую производил и сбывал мясокомбинат. Леха даже иногда по два-три месяца не заходил в кассу за своей начисленной зарплатой. Он с презрением вспоминал про свой официальный заработок. Сто сорок рублей в месяц ка-

зались ему мелочью по сравнению с тем, что ему выдавал начальник завода за то, что он перевозил неучтенный груз и держал язык за зубами. Его неофициальная получка составляла почти тысячу советских рублей, за такие деньги шахтеру нужно было месяц работать в шахте, где-нибудь за полярным кругом на Новой Земле, а для Лёхи это были просто легкие деньги, которые он получал практически не напрягаясь. И всё благодаря тому, что удачно пристроился в жизни. Парень почистил зубы, умылся и вышел из ванной. Зайдя в спальню для того, чтобы выбрать подходящую для рыбалки одежду, он посмотрел на двуспальную кровать. На кровати совсем голой спала его бывшая одноклассница Ленка, первая красавица в их классе, да и во всей школе. Когда в старших классах он пытался подкатывать к ней, она только смеялась над его наивными юношескими попытками ей понравиться.

Девушка была из интеллигентной семьи и искренне считала, что он не достоин такой умницы и красавицы, как она. Ленка была профессорской дочуркой и почему-то практически презирала Лёху за то, что он неважно учится, и говорила ему, что он никогда не станет достойным и уважаемым человеком. А вот теперь она лежит голая в Лёхиной постели, они встречаются уже полгода и скоро поженятся. Ленка сначала закончила институт и выскочила замуж за какого-то интеллигента, но быстро поняла, что хочет красивой жизни, и когда Лёха начал за ней ухаживать, засыпая её подарками

типа дорогого ожерелья, которое стоит как новые «Жигули», и стал водить её по ресторанам, где он сорил деньгами и показывал, что он парень совсем не бедный, девушка, недолго думая, развелась со своим мужем, которого ей сосватали интеллигентные родители. Пожив несколько лет с этим молодым преподавателем из университета, зарплата которого была совсем невысокой, повзрослевшая Ленка выбрала малообразованного Алексея, который умел пристраиваться в жизни и зарабатывать большие деньги. Леха заботливо накрыл спящую обнажённую девушку простынкой и нежно поцеловал её в шею. Пусть спит, вчера была суббота, и они с Ленкой, как обычно, отрывались в дорогом ресторане. Скоро они поженятся. «Еще годик поживем для себя, а потом, глядишь, и детишек заведем», — подумал парень. Алексей почувствовал, что у него еще кружится голова и он еще даже слегка пьян.

«Ничего страшного, — подумал про себя Алексей, — посижу на берегу речки с удочкой, возьму с собой фляжечку коньяка для поправки здоровья, к вечеру приеду домой как огурчик». Попасться сотрудникам ГАИ со стойким запахом алкоголя изо рта он совершенно не боялся, во-первых, потому что он никогда не напивался сильно, а главное, у начальника завода были большие связи в ГАИ. Леха сам лично регулярно отвозил коробки с мясными деликатесами местным начальникам милиции, и поэтому был уверен, что если даже его и остановят ГАИшники, то его не накажут благодаря хо-

рошим связям его начальников, для которых он свой человек и незаменимый специалист.

Собрав в сумку немного еды и не забыв положить флягу с коньяком, Лёха взял удочки и спустился во двор. Подойдя к «Жигулям», которые ему достались еще от отца, он открыл двери и стал заводить машину. «Жигули» были старенькие, еще первого выпуска, поэтому парню пришлось минут десять повозиться с карбюратором. Наконец-то машина завелась, и Лёха стал терпеливо ждать, пока машина прогреется. Конечно же, у Лёхи уже давно имелись деньги на покупку новых «Жигулей», да даже «Волги» на рынке по коммерческой цене, но начальник мясокомбината запрещал им делать такие покупки. Дураку понятно, что если молодой парень, который проработал всего три года, купит дорогое авто, значит, он имеет какой-то серьезный левый заработок. И это может привлечь внимание сотрудников ОБХСС к деятельности руководства завода. Кто надо, конечно, всё знает, но на показ свое благополучие лучше не выставлять.

А вот ремонт в квартире у Лёхи был сделан просто шикарный. Ленка, когда увидела, как живёт Лёха, так сразу и захотела остаться у него на ночь, притом что тогда она ещё была официально не разведена. Они весь вечер сидели тогда и смотрели иностранные фильмы по видеоманитофону. Предмет особой гордости парня. Настоящий японский «Панасоник», стоил он как новый «Москвич». А кассеты он достал по блату. Этот прибор открывал окно в другой мир —

через американские фильмы Алексей узнавал, как живут люди за границей. Лёха хотел, чтобы в нашей стране он мог бы жить так же, как показывают в иностранном кино, — жить богато и не скрываться при этом. Не бояться, что соседи настучат на тебя в милицию. Но говорят, что скоро всё изменится, вон что Горбачёв говорит: «Перестройка», скоро будем жить как на западе или, может быть, даже лучше. Эти ожидания подогревались обещаниями Михаила Горбачёва, звучавшими повсюду из каждого утюга.

Когда двигатель «Жигулей» достаточно прогрелся, Алексей выехал со двора пятиэтажного дома. Несмотря на ощутимое похмелье, которое он испытывал после вчерашнего веселья, парень не собирался ждать, пока он совсем не протрезвеет и запах алкоголя не выветрится из его дыхания.

На выезде из города Алексей остановил машину на светофоре. Дождавшись зеленого сигнала, он плавно тронулся вперед, постепенно увеличивая скорость движения.

Однако через несколько секунд произошло нечто неожиданное: Леха почувствовал ощутимый удар по корпусу машины и послышалось характерное скрежещущее металлическое трение сбоку автомобиля. Парень резко нажал на тормоз. Изумленно посмотрев направо, откуда пришелся удар, он увидел, что с его авто слетело зеркало заднего вида, а рядом вплотную к его машине стояла старая советская легковушка марки «Победа». Её водительская дверь буквально притёрлась вплотную к борту его автомобиля. Из «Победы»

вышел шустрый пожилой мужчина и испуганно начал осматривать место удара своей машиной об Лехину.

Охреневший от такой неожиданности парень начал орать на него:

— Что ты делаешь, старик?! Ты сука, совсем уже ослеп или из ума выжил?

Пожилой мужчина попытался оправдаться:

— Молодой человек, я уверен, что это именно вы сильно сместились вправо! Я просто не успел вовремя отреагировать...

Обида и раздражение разыгрались в Лёхе сильнее прежнего. В сердцах ударив ногой по колесу старой машины, которая принадлежала пенсионеру, и начал громко крыть деда последними словами:

— Ты мудака старый! Такое воскресенье мне испортил! Ты у меня, блять, пожалеешь, что ты вообще до пенсии дожил!

Гневно озираясь вокруг, парень грозно добавил:

— Смотри только не вздумай уехать отсюда, я номера твои все равно запомнил!

Оглядевшись по сторонам, Лёха приметил поблизости старую телефонную будку, и решительно зашагал в ту сторону где находился телефон автомат. Путь до телефона занял всего пару минут, открыв дверь телефонной будки Алексей вставил в аппарат монетку достоинством две копейки и дождался сигнала вызова. После нескольких попыток дозвониться Лёхе наконец-то ответил раздраженный голос.

— Тут такое дело, я бы вас по пустякам не беспокоил... Только что на выезде из города я попал в ДТП: какой-то старый мудака въехал прямо в мне в правую дверь. Вы не могли бы в ГАИ позвонить, чтобы меня не признали виновным,... ну и это...перегарчиком от меня разит немного... Вы же знаете, я отработаю... Ну с кем не бывает... Да... Огромное спасибо, я вас не подведу.

Алексей с довольной улыбкой повесил трубку и вышел из телефонной будки, и вальяжно пошел в сторону перекрестка, где произошло ДТП.

.....

— Григорий Игоревич, нам срочно нужно искать нового водителя на грузовик! — начальник гаража мясокомбината уже стоял в кабинете Директора мясокомбината рано утром, как только начальник приехал на работу.

Григорий Игоревич Коган уже десять лет занимал должность директора мясокомбината. Его чёрные кудрявые воло-

сы и нос крючком, в купе с фамилией, сразу же выдавали его этническую принадлежность. Да и на самом деле это был не Игоревич, а Израилевич. Для благозвучности его отец ещё в 30-е годы, когда правительство СССР старалось уменьшить количество евреев на руководящих постах, сменил имя так, чтобы оно звучало более нейтрально и не привлекало лишнее внимания к его носителю. Григорий Игоревич снял запотевшие очки и протёр их носовым платком. Он работал в мясной промышленности с молодости и хорошо помнил те времена, когда даже директору завода можно было вынести из цеха максимум одну палочку колбасы. И вот наступили времена, когда можно было хорошо заработать на реализации левой мясной продукции. Но привычка к осторожности заставляла его жить скромно и не привлекать внимание к собственному благосостоянию. Поэтому, будучи подпольным миллионером, товарищ Коган жил довольно скромно и неброско.

— Я не понял, а что случилось? У нас ведь, насколько я знаю, был полный комплект шоферов.

— Да тут такое дело! — замялся завгар. — Один из водителей молодой и толковый парнишка, сын нашей бухгалтерши, в ДТП попал на своей машине в это воскресенье. Он, нужный человек в нашем деле. Он за три года работы никогда не подводил, с головой парнишка. Но тут он попал в аварию, и хоть и не пострадал никто, и ущерб-то совсем не большой, рублей на двести, но его прав лишают на один год.

—Ну, если человек нужный, то помоги парню. Я ведь тебя давно лично с начальниками ГИБДД познакомил. Мы с ними в хороших отношениях. Гаишники тоже любят и деньги, и колбасу.—

Зав гар, мял кепку в руках, и ис подлобья посмотрел на начальника.

—Оно вот ведь как всё было. Этот парень нашёл телефон-автомат и сразу же мне позвонил. Сказал, что попал в аварию, на перекрёстке. Я тоже связался с начальником ГИБДД. Он мне сказал: «Не проблема, конечно помогу», но через полчаса сам мне перезвонил. Ругался матом как сумасшедший. Обещал забрать права у всех наших водителей, у меня, и даже у вас, лично Григорий Игоревич!—

. Начальник мясокомбината удивлённо посмотрел на своего завгара.

—С чего это вдруг? Что на него нашло?

—Да, оказалось, что нашему водителю Лёшке этому несказанно повезло! Он столкнулся с бывшим прокурором, который недавно вышел на пенсию. Раньше он был какой-то важной шишкой в прокуратуре Московской области. Потом ушёл на пенсию и недавно приехал сюда к родственникам в гости. Говорят, мужик-то он в принципе хороший, но вот Лёха ему сильно нагрубил... Поэтому он лично попросил забрать права у Лёхи, чтобы он пешочком походил как можно дольше. Местные гаишники его реально боятся... Так что нам проще будет попроситься с Лёхой и найти другого во-

дилу...

— Да... Час от часу не легче!.... А у нас только расширяются поставки. Нам бы, наоборот, ещё водителей в штат взять, а тут этого проверенного придется уволить. — Начальник мясокомбината снял очки и опять стал нервно протирать запотевшие линзы платком, потом надел очки и посмотрел на завгара.

— Михалыч, делай что хочешь, хоть сам садись за руль, но наша отлаженная система должна работать как часы.

— Мне недавно посоветовали одного серьёзного парня. Бывший десантник, недавно из армии, хорошие рекомендации. Умеет держать язык за зубами. — оживился завгар, он очень боялся потерять свое место работы, которое приносило большие деньги и связи.

— Смотри, Михалыч, ты полностью отвечаешь головой за водителей, которых ты нанимаешь! — Коган постучал ладонью по столу. — За каждого твоего водителя поручиться должен как за самого себя. Смотри, проверяй всех внимательно. — Он сделал паузу, а потом опять поднял глаза на Михалыча.

— Нам придется уволить этого парня, но он много, очень много знает и видел. Как думаешь, он будет держать язык за зубами? Или надо принимать какие то меры?

— Я уверен, что это точно не будет болтать! Во-первых, я пообещаю ему, что возьму его на работу, когда ему права восстановят, а главное то, его мать уже давно работает в на-

шей бухгалтерии. Так что ему нет смысла говорить лишнее.

Григорий Игоревич вытер лоб платком, который достал из кармана, положил его обратно.

— Ну дай бог! Дай бог!

.....

Уже к вечеру я услышал звук автомобиля и вышел во двор. Встретив подполковника Зверева, я прошел с ним на веранду, и мы сели за стол.

— Ну что, Дима, вот твои новые документы на имя Петрова Сергея Александровича. Так что давай для конспирации и чтобы ты привыкал к новому имени, я теперь тоже буду называть тебя Сергей. Надеюсь, ты не против! — полковник Зверев. Он выложил передо мной документы на стол.

«Еще бы я был против того, чтобы меня называли моим настоящим именем», — подумал я.

— Вот новый военный билет на твоё имя и весь пакет документов, чтобы устроиться на работу. Поскольку у тебя все равно на теле есть десантные наколки, то по этому военному билету ты тоже служил в десанте. Прописку мы тебе тоже организовали, на окраине города, типа у родственников, скажешь, после армии у тетки жил, а потом на Сахалине работал водителем, начальника завода возил. В твоей трудовой всё это записано, но ты тоже запомни всё, что написано в документах. — Подполковник вытащил сигарету из пачки, на которой было написано «Космос», чиркнул спичку и подкурил сигарету. Смачно затянулся и продолжил:

—Еще по этим документам ты был женат, но потом развелся, детей вы с женой не нажили. Легенда такая: жена тебя не дождалась, пока ты был на севере, загуляла, и вы решили развестись, вот в паспорте штамп о регистрации брака, запомни фамилию, имя, отчество своей бывшей несуществующей жены.

— Зачем так было заморачиваться? Не проще ли было состряпать легенду, по которой я не был женат?— немного удивленно спросил я у своего начальника.

— Ну это как сказать! — поднял брови Геннадьевич. — Ну разве сам не понимаешь? Ты же видный здоровый парень, не дурной лицом, опять же мускулатура у тебя вон как развита. Такие бабам очень нравятся, и при этом как так получается, что тебе почти тридцать лет уже, а ты до сих пор не женат и ни разу не был? Вот это точно вызовет подозрение. Даже если тебя эта мафия не заподозрит в том, что ты засланный милиционер, то точно будут подозревать, что у тебя не в порядке с головой. Подумают ещё, чего доброго, что ты псих какой-то, а то и вообще, может, маньяк. И естественно, на работу не возьмут, и плакали все наши потуги по твоему внедрению. А так выходит, что женат ты был, но пока ездил на заработки, супруга твоя загуляла, а это дело житейское! Получается, что ты в доску свой парень! — объяснял мне с улыбкой Геннадьевич.

Я держал в руках свои новые документы и с интересом

изучал то что там написано. В будущем, в своей прошлой жизни, я долго служил в военной разведке, но моя служба заключалась в осуществлении скрытых боевых операций на территории и в тылу противника. Там мы передвигались скрытно, избегая визуального контакта с противником, а сейчас мне предстоит стать агентом-нелегалом. Это совсем другая специфика работы! Но ничего, я думаю, что справлюсь и постараюсь выполнить задание, на которое меня сейчас отправляет подполковник Зверев. Черт побери! А ведь теперь получается, что я двойной агент! Я прибыл сюда из будущего, чтобы не допустить теракт на железной дороге, где погибнут важные люди и сгорят важные документы, а теперь меня еще и завербовал полковник Зверев и отправил меня на задание с целью сбора доказательной базы против высокопоставленных чиновников. Честно говоря, самому не верится, что я в такое вляпался!

— Ну всё Серега, теперь у тебя все готово к внедрению!

— отвлек меня от моих раздумий Геннадьевич.

— А как с жильём обстоят дела? — спросил я. — Жить-то я где буду?

— Ну, на конспиративной квартире мы тебя поселить не можем!... Как ты понял после изучения известной нам информации, ребята там довольно серьёзные, они вполне могут начать следить за тобой, особенно в первое время. Поэтому, чтобы не вызывать подозрений, я через знакомых снял тебе квартиру небольшую. Там одна старушка жила, сейчас её де-

ти забрали к себе в другой город. Вернется она не скоро, если вообще вернется. Так что, если соседи будут любопытствовать, кто ты и откуда, то скажешь, что знакомый бабы Зины.

— Я буду знать человека, который поможет мне устроиться на работу в гараж мясокомбината? — спросил я.

— Нет, этот человек не сотрудник предприятия, но у него есть там хорошие связи. Вряд ли вы с ним где-то встретитесь. Тебе просто нужно будет обратиться к заведующему гаражами мясокомбината — наш ему человек уже рекомендовал тебя. Скажешь, что от Вадима Викторовича, затем используй своё обаяние и постарайся произвести на него хорошее впечатление. Твоя задача — внедриться в этот преступный коллектив. Мы возлагаем на тебя большие надежды.

Вот адрес твоей квартиры, а вот два комплекта ключей, у меня тоже остался ключ на всякий случай. Кстати, квартира находится не так далеко от мясокомбината, на одном автобусе добраться можно. Завтра утром садись на электричку и приезжай в город, один денек для тебя хватит обжиться в квартире, а утречком к девяти часам садись на автобус № 23, проедешь до остановки «Мясокомбинат». Пойдешь на проходную, покажешь паспорт. Пусть вахтер позвонит в гараж и доложит завгару, что ты пришёл. Ну а дальше — ни пули, ни пера, парень! Я в тебе уверен, что ты нас не подведешь!

Обсудив еще некоторые детали, мы с полковником поужинали и теперь пили чай с печеньем и медом, который Геннадьевич принес с собой в полулитровой банке.

— Я сегодня останусь ночевать здесь, а завтра утром я провожу тебя до электрички, и дальше ты в полной автономке. Телефоны, явки и пароли ты помнишь? Как информацию передавать, я тоже тебе рассказал! — сказал подполковник, попивая горячий чай из чашки.

Я кивнул головой, мысленно прокручивая, что мне еще может пригодиться для внедрения в эту местную мафию. Взвешивая плюсы и минусы, я все-таки приходил к выводу, что мне очень повезло, что полковник Зверев дал мне возможность стать секретным агентом милиции. Наверное, если бы я был простым человеком и меня вдруг поймали бы на том, что я пытаюсь собирать информацию, которая может мне помочь предотвратить теракт, хрен бы я доказал, что я не иностранный шпион или доморощенный чокнутый террорист. А так, являясь штатным агентом милиции, я могу совать свой шнобель во все щели, и с меня взятки гладки.

— Я думаю, тебе следует рассказать еще кое-что, Серега: произошло очередное преступление, к которому, мы думаем, причастна наша так называемая мясная мафия. — пре-

рвал мои размышления Геннадьевич. — Вот, посмотри!

Он положил на стол несколько фотоснимков. Я взял в руки тот, что лежал сверху. На нём была изображена девушка, которая... висела на дереве.

— Это девушку нашли повешенной в лесу, — сказал Геннадьевич. — Она постоянно ходила через этот лесок, чтобы сесть на электричку, когда ехала с работы домой.

— А кто эта девушка? — спросил я, рассматривая фотографию.

— Она работала ветеринаром на центральном рынке. Дела там творятся мутные. А без печати этой девушки мясо не могло выйти в продажу. Она как ветеринар накладывала свою резолюцию и ставила печать, что мясо не зараженное и пригодно к продаже. Опросили её знакомых, все в один голос говорят, что девчонка она была скромная, но очень принципиальная, ни в каких мутных схемах по реализации мяса она бы не согласилась участвовать!

— Ну да, если ты говоришь, Геннадий Васильевич, что деньги там крутятся большие, мотив для убийства очень даже ясен. Видимо, девчонка для кого-то была серьезным препятствием. Так получается, её убили, а потом пытались всё

обставить как самоубийство.

— Получается так. Тут только вот ещё что непонятно: получается, те, кто её убил, или конченные идиоты, или, что хуже всего, вконец оборзевшие твари, которые словно издеваются над нами.

— Это ещё почему? — удивленно спросил я, взяв в руки другую фотографию, где обнаженный труп девушки был сфотографирован в морге.

— А ты обрати внимание! У нее на голове одет берет, в котором она ходила на работу! Когда человек вешается, он с себя снимает головной убор, и уж точно не будет его надевать для того, чтобы лучше смотрелся, когда будет висеть в петле.

Ну а если бы даже предположить, что девушка накинула на шею петлю, а потом надела на голову берет, то тогда, когда она бы задыхалась в агонии с петлей на шее, головной убор обязательно упал бы с её головы. И это всё говорит только об одном, что девушка повесилась не сама... Да и веревка привязана к ветке дерева на высоте почти четыре метра. Сама бы она так высоко не залезла, а если бы залезла, то на одежде бы остались следы коры деревьев, а их как раз и не имеется, судя по экспертизе. Это самоубийство обставлено так, словно убийцы бросают вызов следственным органам, кото-

рые будут расследовать это дело.

— А где её нашли? — спросил я, разглядывая прижизненную фотографию девушки. На ней она улыбалась, выглядела красивой и счастливой.

— Её нашли в метрах в пятидесяти от тропинки, которая ведёт на станцию, на которой она садилась на электричку, чтобы доехать с работы домой.

— Исчезла эта девушка, которую нашли повешенной, как раз тогда, когда шла с работы на электричку. Получается, что её кто-то перехватил по дороге на станцию в этой лесополосе, убил и повесил, инсценируя самоубийство. Там в это время, кстати, немало людей шло на станцию, и никто ничего не видел.

— А эксперты не установили, как именно её задушили? Скорее всего, к ней неожиданно подошел сзади и набросил на шею удавку, — предположил я.

— Тут еще странность! Патологоанатом констатировал, что смерть девушки наступила не от удушения, а от остановки сердца.

— Это как так? От испуга умерла, что ли? — удивленно

спросил я.

— Да нет вроде! — неуверенно сказал Геннадьевич. — То, что у неё остановилось сердце от испуга, — это первое, что мы предположили! Но патологоанатом сказал, что когда у человека сердце, как говорят, «разрывается от страха», на нем остается множество рубцов, как от инфаркта. А у девочки сердце выглядело абсолютно здоровым, её сердце просто остановилось, и она умерла почти мгновенно!

— А других повреждений у неё на теле точно нет? — спросил я озадаченно.

— Никаких повреждений, которые могли бы вызвать смерть, врач не обнаружил! Можешь сам посмотреть! — подполковник протянул мне ещё одну пачку фотографий. На этих снимках были сфотографированы малейшие синячки и ссадины на теле мертвой девушки.

Когда я посмотрел почти все снимки, мой взгляд остановился на фото, где была изображена обнаженная грудь трупа девушки, когда она лежала на операционном столе в морге, но её еще не успели препарировать. Черт! Я поднес снимок ближе к глазам. Такого я точно не ожидал увидеть!

— Что так тебя заинтересовало на этом фото? — спросил

Геннадьевич, видя, что я немного изменился в лице.

— Посмотрите внимательнее сюда! Вот здесь под левой грудью еле заметный синячок, и сердце остановилось, скорее всего, от точного удара вот в эту область. Она умерла мгновенно, а потом уже её повесили.

— Кто мог так точно ударить человека в сердце? И чем, если синяк совсем маленький, а проникающего ранения нет?

Нанести такой удар мог только тот, кого этому специально учили, — сказал я, глядя в глаза подполковнику. — Я хорошо знаю этот удар. Вот смотри! Такие приемы засекречены, и я подписку давал о том, что не буду их никому показывать, но раз такое дело. Да и без инструктора такой удар самому правильно поставить не удастся. —

Я вытянул руку вперёд, опустив кулак вниз, и направил большой палец вперёд.

— Если вот так нанести удар в определённую точку, то даже у взрослого здорового мужика остановится сердце. А уж тем более у молодой хрупкой девчонки. И синяк у неё расположен именно в этой уязвимой точке, — сказал я.

Полковник Зверев удивлённо посмотрел на меня.

— Ты хочешь сказать, что девчонку ухлопал какой-то профессиональный военный? Спецназовец или что-то в этом

роде?

— Получается, что этот убийца как минимум тот, кто служил срочную службу в десанте или где-нибудь в спецназе ГРУ. Или в каких-нибудь других спецвойсках, где учат таким приёмчикам. Этот удар, конечно, на мужика рассчитан. Нам рассказывали, что если, например, у женщины большая грудь, то удар не получится. Эта уязвимая точка будет закрыта левой сиськой, но у этой девчонки грудь очень маленькая. Да и одета она была в легкое платье. Так что можно было нанести этот удар очень эффективно.

— Ты сейчас уверен в том, что ты говоришь? — Подполковник Зверев смотрел на меня удивленно и даже как-то ошарашено.

— Да полностью уверен! — Я, когда служил в десанте, мы отрабатывали такие удары на специальных тренажерах, — соврал я подполковнику. На самом деле я такие удары отрабатывал, когда служил в разведке в будущем. Но это ничего не меняет, этот удар в грудь девушки нанес профессионал, именно таким способом.

— Значит, всё ещё хуже, чем мы думали! — грустно сказал Геннадьевич, глядя на фотографии, разложенные на столе. — Теперь всё больше убеждаюсь, что действительно на-

до с ними кончать, если у них уже есть профессиональные убийцы со спецподготовкой, то это уже совсем ни в какие ворота. — Подполковник улыбнулся и хитро посмотрел на меня.

— А ты молодец! Разглядел то, чего наши матерые криминалисты не увидели! Значит, я точно в тебе не ошибся, Дима!

— Сергей! — сказал я, укоризненно глядя на Геннадьевича. — Я же теперь Сергей! Сами же сказали, будете меня так называть, чтобы я быстрее привык!

Все-таки называться моим настоящим именем меня больше устраивало.

— А если конкретно, за что могли убить эту девушку? Может, какой-нибудь конфликт был и свидетели имеются? На рынке ведь много людей работает, не может ведь быть так, чтобы совсем никто ничего не знал! —

— Я так предполагаю, что самая правильная версия — это та, по которой девушка не желала быть звеном в махинациях с мясом!

— А какие там махинации могут быть? Я так понимаю,

вырастил крестьянин свинью, разделал, потом привез мясо на рынок и продает! Вроде же всё легально!

— Так тут вот какое дело! — многозначительно посмотрел на меня Вячеслав Геннадьевич. — Эти спекулянты навариваются очень нехитрым способом. Дело в том, что мясо в государственном магазине стоит по 2–3 рубля за килограмм, независимо от того кости это, или мякоть, тогда как на рынке мякоть мяса можно продать и по 5 рублей за килограмм. Так вот, что они делают: они тайно вывозят с мясокомбината первосортное мясо и доставляют на рынок, там оформляют, будто бы это мясо с крестьянских подсобных хозяйств, и продают его в два раза дороже, необходимую часть денег возвращают в магазин, поэтому недостачи никакой не образуется, а в магазине остается только одни кости с почти полностью срезанным мясом, которое люди и так раскупят, потому что другого в магазине нет, а на рынке покупать вдвое дороже чем в магазине может позволить себе не каждый. — Подполковник опять закурил сигарету и продолжил:

И вот мы, как говорится, подошли к самому интересному. В этой преступной цепи девушка-ветврач должна была быть очень важным звеном. Именно она и ставит печать на мясе, и дает разрешение на продажу, когда ей привозят мясо на экспертизу с частных подсобных хозяйств. Девушка, видимо, отказывалась давать разрешение на продажу приве-

зенного из магазинов мяса под видом продукции с частных подворий. Она устроилась туда работать недавно, несколько месяцев назад, после института. Родители у неё рано умерли, и она проживает вместе со своим младшим братом, который только что с армии вернулся.

Так вот, когда брата опрашивали, то он рассказывал, что как-то им подбрасывали свиную голову ко входной двери их квартиры. А за пару недель до этого им мазали дверь кровью животного. Он даже хотел заявлять в милицию, но сестра его успокаивала, говорила, что это шутники с рынка или у неё завелся какой-то придурочный ухажер. А теперь становится понятно, что таким образом ей угрожали.

Подождите, Владислав Геннадьевич! А я что-то не могу понять, как же она тогда на рынок ветеринаром устроилась. Если для того, чтобы меня устроить простым водителем милиции, целую операцию провернуть пришлось, как девушка-то туда попала, где ей, как мы уже поняли, рады-то совсем не были?

— Её отец занимал большой пост в «Облисполкоме» нашей области. Он погиб в автокатастрофе лет десять назад, а мать их, видимо, не смогла пережить его смерть и заболела раком, через год умерла. Но их отца очень уважали, и его знакомые помогли ей устроиться на хорошую работу!

— В общем, хотели как лучше! А получилось... вон как!

— Слушай, Геннадьевич, насколько я знаю, в том случае, если при совершении преступления стало известно о при-

менении засекреченных методов рукопашного боя, которые, как предполагается, доступны только тем, кто служит в специальных подразделениях, расследованием такого убийства должен заняться непосредственно КГБ.

— Так-то оно так, Серёжа. Да вот только я совсем не хочу, чтобы чекисты в это дело свой нос совали. У меня как раз подозрение, что некоторые из высокопоставленных сотрудников КГБ и оказывают покровительство этим преступникам. Новые улики, которые не разглядели эксперты, но которые заметил ты, это очень важно и даже в корне меняет всё дело, но пускай это останется между нами. Если КГБ влезет в это дело, то, боюсь, что это очень плохо кончится, все наши наработки пойдуткоту под хвост. У конторы всегда свои интересы, и часто они очень отличаются от того у чему стремится милиция. Поэтому лучше нам с тобой держать язык за зубами и оставить это всё пока в тайне. Ну а тебе, Серёжа, необходимо быть ещё более осторожным, раз у них в организации есть такие опасные люди.

— Будьте спокойны, товарищ подполковник, я вас не подведу, — пообещал я. А сам в этот момент подумал о том, что я ведь сейчас нагло вру подполковнику Звереву, потому что моя главная задача — это предотвращение теракта на железной дороге.

— Хорошо, Серёжа, я сегодня устал, пойду отдыхать, а ты, если хочешь, можешь посмотреть телевизор.

— Нет, Вячеслав Геннадьевич, я, пожалуй, тоже лягу пораньше, — ответил я.

Ещё немного посидев на веранде, я вытащил прямо во двор раскладушку и улёгся спать, глядя на звёзды. Комары и прочая мошкара не сильно меня беспокоили, поэтому я быстро уснул, под храп подполковника который доносился из дачного домика.

Глава 5

Утром полковник Зверев не объяснил, как добраться до железнодорожной станции.

Я собрал свои немногочисленные вещи в сумку попрощался с Геннадьевичем и пошёл пешком в сторону железнодорожной станции, прогулявшись по утреннему лесу я добрался до небольшой железнодорожной станции где уже собралась небольшая группа дачников, и после недолгого ожидания сел в электричку. Через полчаса я уже был в городе.

На автобусах я добрался до нужного района города, а затем стал искать адрес, который мне назвал подполковник. Наконец то я подошёл к подъезду обычной пятиэтажки. Было уже около двенадцати часов дня, и несмотря на полуденную жару во дворе играло много детей разных возрастов. Самые маленькие играл в песочнице, мальчишки постарше — бегали с деревянными автоматами и играли в "войнушку", или катался на велосипедах.

Я подошел к нужному мне подъезду, рядом с дверью, которая вела в подъезд, на лавочках сидела группа из нескольких бабушек раннего пенсионного возраста. Я поздоровался с ними, они кивнули в ответ и вроде бы продолжили свой разговор, но потом, даже не дождавшись, когда я удалюсь на приличное расстояние, они сразу же начали обсуждать меня. Кто я такой, по их предположению, и к кому пришел. Что по-

делать, бабушки они во все времена одинаковые. Любопытство и бдительность у них всегда на первом месте.

Поднявшись на третий этаж я подошёл к двери квартиры номер восемнадцать, и достал ключ который мне передал подполковник и открыл дверь. Когда я вошел то у моему удивлению, в воздухе квартиры не витал запаха старости или пыли, или нафталина, как я ожидал, хотя подполковник и говорил, что здесь раньше жила пожилая женщина. Видимо, мне повезло, и эта бабуля была очень чистой и аккуратной.

В конце восьмидесятых годов прошлого века типичная хрущёвская квартира выглядела достаточно скромно, но уютно благодаря тому, как её обустроила пожилая хозяйка, проживающая здесь долгие годы. Каждая деталь интерьера отражала эпоху и вкус владельца, мне даже казалось, что я здесь уже был.

Входная дверь была старой деревянной конструкции, снаружи обитой синтепоном, а изнутри просто покрашенной в темно-красный цвет, а рядом с дверью располагался маленький шкафчик для обуви, сделанный из толстой фанеры и обитый дерматином. Коридор в квартире был небольшой и довольно тесный, однако он не был заставлен старыми вещами и множеством мелочей, накопленных годами жизни.

Кухня, как и полагается в хрущевке, была очень маленькая, метров не больше шести квадратов, и освещалась единственной тусклой лампочкой под абажуром. Стены были оклеены бумажными обоями, уже слегка пожелтевшими от

времени и сигаретного дыма. Кухонный гарнитур состоял из деревянного стола со столешницей из пластика, пары табуреток и буфета, изготовленного в какой-нибудь столярной артели ещё в довоенные годы. Буфет был украшен кружевом, а внутри хранились семейные реликвии и сервизы советского производства. У моей бабушки был такой же буфет. Он заменял кухонные шкафы. На верхних полках за застекленными дверцами у бабушки, насколько я помню, всегда лежали сладости: конфеты или домашнее печенье, а на самой верхней полке у деда стоял графин с самогоном и лежали пачки «Беломора».

Я осмотрел двухкомфорочную газовую плиту, она была чистой и в исправном состоянии. В углу стоял маленький холодильник. А у окна стоял небольшой стол, за которым могло бы разместиться за обедом не больше чем двое человек. В общем, жить можно было.

Я вышел из кухни и вошел в основную комнату которая называлась гостиная, и была совмещённая с маленькой спальней. Здесь стоял диван-кровать, покрытый старым пледом, комод с зеркалом, два кресла-качалки телевизор модели «Рубин». На стенах висели картины советских художников. На полу был постелен уже изрядно потертый линолеум, с рисунком напоминающем паркетный пол.

Спальня отделялась лишь тонкой перегородкой от гостиной. Там стояла кровать с высоким изголовьем, украшен-

ным резьбой, старинное трюмо с тремя зеркалами и настенный ковёр возможно даже ручной работы, и привезённый из Средней Азии кем-то из родственников, а затем подаренный хозяйке квартиры.

Окна выходили на двор, окружённый невысокими пятиэтажками, точно такими же, как и эта. Из окон открывался вид на детскую площадку с качелями и песочницами, зелеными газонами и редкими деревьями, посаженными ещё в пятидесятые-шестидесятые годы. Из гостиной на балкон вела застекленная дверь. Я повернул ручку двери и вышел на балкон, он был застекленным, и почти не завален хламом, возле окна стояла табуретка, а на подоконнике располагалась пепельница.

Бабушка, видимо, иногда позволяла себе выкурить сигарету. Но, вероятно, нечасто, поскольку в квартире не ощущалось застарелого запаха табачного дыма.

Итак, что мне нужно сделать первым делом, чтобы наладить свой быт? Я взглянул на свои наручные часы, еще только начиналось время обеда. Мне нужно было потратить остатки этого дня на покупку продуктов по максимуму, чтобы потом не бегать по магазинам и не стоять в очередях. К счастью, у меня ещё остались почти нетронутыми те деньги, которые я получил, выходя на волю из колонии-поселения. За те пару недель, пока я гостил на даче у полковника, я потратил всего лишь пятьдесят рублей, и у меня остава-

лось еще триста пятьдесят рублей, поэтому закупить необходимый запас продуктов было на что, к счастью, холодильник имеется. Я включил его в розетку, и он с шумом заработал.

Оставив сумку с вещами в квартире, я решил отправиться на рынок. Насколько я помнил, в магазинах СССР в это время были большие очереди, и быстро купить то, что тебе нужно, было практически невозможно.

Так с чем же мне пойти за продуктами, коих мне придется закупить немалое количество? Мне пришлось обыскать всю квартиру в поисках подходящей для этой задачи сумки или с чем там ходили раньше на рынок?

Я перерыл все шкафы и нашёл старый, но крепкий рюкзак на шестьдесят литров и даже начал пританцовывать от радости. Я хорошо помнил эти советские рюкзаки, которые были очень удобными и просто неубиваемые, сделаны из толстого брезента. Во времена СССР такой, только размером поменьше, был у каждого уважающего себя школьника, и не только мальчиков, но и даже у многих девчонок. Потому что советские школьники часто ходили в походы в школе и на разных кружках.

Вероятно, рюкзак принадлежал кому-то из мужчин этой семьи. Такой был очень надёжным и, наверное, мог служить своему хозяину долгие годы.

Надев спортивные штаны, футболку и кеды, я надел на спину рюкзак и в таком виде вышел на улицу, положив ключ

от квартиры в надежный карман рюкзака.

Когда я выходил из подъезда, то заметил, что меня просто сверлили глазами старушки, всё так же сидящие на лавочках возле подъезда, но я не рискнул задавать им вопросы, чтобы не привлекать лишнего внимания к своей персоне. Вместо этого я дошёл до автобусной остановки и просто спросил у людей, ожидающих автобусов, как мне добраться до городского центрального рынка.

Мне повезло, потому что минут через десять подошёл нужный мне автобус, который, правда, был изрядно переполнен. Но всё же мне удалось втиснуться на ступеньки, и через полчаса такой экстремальной езды я вышел из автобуса на остановке «Центральный рынок» и с удовольствием вдохнул свежий воздух.

На рынке я почувствовал себя так, будто попал в детство, когда мы с отцом и матерью ходили на наш городской рынок. В отличие от государственных магазинов здесь было просто изобилие продуктов: огурцы, помидоры, мясо, молоко, сыр, мёд, фрукты и многое другое. А вот цены на продукты были очень высокими, хотя, несмотря на это, народу на рынке было много, и стоял многоголосый гул, к тому же по местному рыночному радио постоянно делали какие-то объявления. От обилия запахов различных продуктов у меня заурчало в животе, и я вспомнил, что я ел сегодня только яичницу рано утром, когда мы завтракали с подполковником Зверевым, а сейчас уже четвертый час после полудня.

Я почувствовал запах шашлыка, и от голода у меня даже начала выделяться слюна. Я огляделся по сторонам и увидел под навесом самодельный мангал, от которого исходило небольшое облачко дыма и запах жареного на открытом огне мяса. Над мангалом махал веером полноватый мужик лет сорока. Всё в нем выдавало его принадлежность к солнечной Грузии. Я поинтересовался у него сколько стоит шашлык.

— Рубль пятьдесят! — невозмутимо улыбнулся сын гор. На рынке во все времена продукты стоили недешево, на то он и рынок.

Я посмотрел на шашлык и увидел, что мяса на шампурах было совсем немного, не больше двухсот грамм, да и мясо было не лучшего качества, в основном сало и прожилки. За такое кулинарное издевательство просить полтора рубля — это было очень смело со стороны этого Грузина.

— Почему так дорого? — несдержался я.

— ЭЭ.. Нэ нравится! Нэ бери! — С пренебрежением ответил шашлычник и стал всем видом показывать, что утратил интерес ко мне.

Ладно хрен с ним потерплю до дома, а там чтонибудь приготовлю на скорую руку. И вообще надо выяснить у аборигенов где поблизости находится хорошая и недорогая столовая. Насколько я помню из детства в советском общепите кормили вкусно и недорого. Постояв немного и почитав вывески которые указывали где какие продукты продаются, я отправился туда где продавалось мясо. В Советском Союзе

было много рогатого скота, поэтому в отличие от двадцать первого века говядина стоила дешевле свинины. Думаю первым делом необходимо делать стратегический запас мяса, а остальные макароны и прочие крупы достать всегда легче.

— Почем у вас мясо девушка? — спросила я у дородной продавщицы лет тридцати пяти, в засаленном халате.

— Свинина, мякоть — шесть рублей за килограмм, на кости по четыре! — ответила мне продавщица, улыбаясь шаловливой улыбкой и внаглую строя мне глазки. По ней было видно, что она-то мясо кушает регулярно и вдоволь. Немного полноватая, с пышным бюстом и лощеным лицом, она была как будто воплощением успешной рыночной продавщицы. — Говядина, мякоть — по пять рублей, на кости дешевле!

Она кокетливо улыбнулась во весь рот, показав мне пару золотых зубов.

— Ну тогда дайте мне пять кило мякоти свинины и пять килограммов говядины, ...тоже мякоть! — подмигнул я ей.

— Даже так! — протянула она и удивлённо приподняла бровь. — Вот это я понимаю хороший покупатель!

Продавщица обернулась и зычно крикнула:

— Мишка, сделай вырезку: пять килограммов свинины и пять килограммов говядины.

За её спиной здоровенный детина в окровавленном фартуке, взял огромный тесак и со знанием дела начал отрезать

мясо сначала от свиной, ляшки, а потом достал говяжье бедро и тоже стал отрезать от него большие куски.

Продавщица ловко кинула мясо навесы а потом завернула их в специальную бумагу.

— С тебя пятьдесят пять рублей, парень! Денег-то хватит? Теперь уже она подмигнула мне. Я достал из кармана деньги и протянул ей две двадцатипятирублёвые купюры с Лениным и одну пятёрку.

— Ну заходи еще красавчик! Таким покупателям мы всегда рады.

Я закинул рюкзак на спину и пошёл вдоль рядов, думая, что бы ещё купить.

На глаза мне попала молодая картошечка по шестьдесят копеек за килограмм, я купил пару кило картошки, много брать не стал, так, на первое время, думаю, с приобретением этого продукта проблем не будет. Я видел, как бабульки-дачницы торгуют картошкой возле автобусной остановки.

Ещё я прикупил редиски, огурцы и помидоры, пару килограммов моркови и лука, теперь мой рюкзак оказался ощутимо тяжелым.

— На неделю другую мне должно хватить, — с довольной рожей сказал я сам себе, и пошел к выходу с территории рынка.

Вдруг я обратил внимание, что двое молодых людей, идущих впереди, начали синхронно двигаться медленнее, посте-

пенно сбавляя шаг. Двое других парней стали приближаться ко мне: один слева, другой справа, стараясь подойти ко мне как можно ближе. Я понял, что дело мое плохо. В советское время на рынках было много карманников. Потому что все пользовались наличкой и носили деньги в карманах или кошельках. Я помню, как мама делала потайные карманы у себя в пальто, до которых было невозможно добраться карманником. У меня в левом кармане брюк лежало ещё около ста рублей. Огромные деньги для конца восьмидесятых годов. Видимо, ребята увидели, как я расплачивался на рынке, и заметили, что у меня ещё остались деньги. Нужно было действовать быстро, иначе они могли бы где-нибудь в толпе разрезать мой карман и вытащить деньги или даже напасть исподтишка.

В такой ситуации, когда против тебя четыре серьезных противника, нет ничего зазорного, чтобы от них убежать. Но на мне был тяжелый рюкзак с продуктами, да и народу было столько, что бежать в этой толпе было невозможно.

Я резко остановился и громко свистнул, так что у эти парнишки вздрогнули от неожиданности.

— Саня! — крикнул я как можно громче и, развернувшись назад, быстро пошел в противоположную сторону. Эти четкие пацанчики на мгновение растерялись, а я, воспользовавшись их временным замешательством, ускоренным шагом отошел от них подальше и постарался затеряться в толпе.

Сделав небольшой крюк по рынку, я опять двинулся в сто-

рону центральных ворот. На этот раз мне удалось покинуть территорию рынка без приключений. Дождавшись автобуса, где людей было как селедок в бочке, я с трудом втиснулся в автобус и поехал на свою съемную квартиру.

На следующий день я встал рано утром, умылся холодной водой и почистил зубы. Старым бабушкиным утюгом я погладил свою рубашку с коротким рукавом и летние брюки. Окончательно придя в себя после сна, я открыл холодильник и стал думать, чем я буду завтракать. Лучше всего, конечно, на завтрак кушать яичницу или молочную кашку, но кашу мне сварить было некому, поскольку я сам её варить так и не научился, да в принципе-то и не из чего, поскольку молока и крупы у меня не было, как, впрочем, и яиц для яичницы. Поэтому я, недолго думая, поставил разогреваться на газовую плиту вчерашнюю картошку с мясом. Конечно, для желудка с утра это тяжеловатая пища, но выбирать не приходилось, не ходить же до обеда голодным. Кстати об обеде, на мясокомбинате должна быть столовая, по крайней мере я надеюсь на это, ведь на всех больших советских предприятиях был свой недорогой общепит.

Нарядившись в наглаженную рубаху и брюки, я надел на ноги кеды и вышел из квартиры. Насколько я помнил, по крайней мере в тех местах СССР, где я вырос, надеть спортивные кроссовки под брюки со стрелками считалось неприличным и было показателем полного отсутствия вкуса у хозяина, но у меня другой обуви пока не было, поэтому я ста-

рался не думать об этом досадном недоразумении. Вопрос с одеждой, конечно, придется решать, но попозже, когда я устроюсь на работу.

Когда я добрался до остановки, то, немного подождав, сел в автобус и отправился в сторону мясокомбината. Опасаясь опоздать, я выехал на час раньше, чем можно было. Но лучше, как говорится, ждать, чем догонять и опоздать. В советское время автобусы ходили регулярно с полпятого утра до полвторого ночи. Всё было государством предусмотрено для людей, в том числе и тех, кому надо было очень рано утром заступать на смену или поздно ночью возвращаться с работы.

До мясокомбината добрался я достаточно быстро, поэтому мне ещё пришлось почти час слоняться из стороны в сторону возле проходной, а потом и вовсе решил прогуляться и подышать утренним воздухом, я терпеть не могу стоять на месте и чего-то ждать, для меня так лучше быть в движении. Примерно к девяти часам утра я зашёл на проходную. Меня встретил пожилой дедушка-вахтёр.

— Здравствуйте, я к вам на работу водителем устраиваться, ваш начальник гаража должен быть в курсе. Он должен меня ждать.

— Сейчас узнаю! — Не спеша и вальяжно с видом очень значимого человека вахтёр набрал номер телефона и позвонил.

— Алло, гараж? — сказал в трубку вахтер со смехом, пародируя известную сцену из фильма «Волга — Волга».

— Тут пришел парень, говорит, к вам водителем хочет устраиваться! Говорит, Михалыч ждет его! Сергей Петров его звать... Ага, понял? — Уже серьезным тоном продолжил дедушка-вахтер, посмотрел на меня и сказал:

— Сейчас найдут завгара и перезвонят! —

Мне ничего не оставалось, как стоять, и терпеливо ждать прижавшись к стенке проходной. Мимо меня проходило много народу, мужчины и женщины разного возраста, на мясокомбинате работало больше тысячи человек, сотрудники мясокомбината привычным движением показывали пропуска вахтёру и шли дальше. Хотя было видно, что сторож-вахтер работает здесь давно и знает многих в лицо. Минут через пятнадцать на столе у вахтера зазвонил телефон, он всё стем же многозначительным видом поднял трубку, и выслушал, что ему говорил его собеседник на другом конце провода.

— Так точно, пропустим! — сказал словно отчеканил он,

потом вахтер строго посмотрел на меня.

— Паспорт есть?

— Конечно, есть, — сказал я и протянул ему свой паспорт. Он взял мой паспорт, записал мои данные в свой журнал и выписал мне одноразовый пропуск.

Вахтёр вышел со мной на крыльцо и быстро стал объяснять, как мне найти гараж. Я долго шёл по огромной территории мясокомбината, и только через четверть часа я дошёл до гаражей предприятия. Я спросил у пожилого механика, который ковырялся в машине, как найти начальника гаража.

— Тебе нужен Валерий Михайлович? Тогда иди до конца коридора. Его кабинет там! — Механик, черноволосый небритый парень лет тридцати, одетый в промасленную робу, показал в глубь коридора гаечным ключом, который он держал в руке.

Пройдя через гаражные боксы, где стояло штук двадцать грузовиков и пара легковых «Жигулей» и еще одна «Волга», видимо кого то из начальников, я зашел в длинный коридор со множеством дверей, которые вели в кабинеты. В конце коридора я нашел дверь с табличкой, на которой было написано: «Валерий Михайлович, заведующий гаражом Вол-

гоградский мясокомбината № 2». В гараже было довольно шумно, поэтому, чтобы меня услышали, мне пришлось стучать очень громко.

— Да, войдите, — услышал я голос за дверью. Я распахнул дверь и вошёл. За столом сидел пожилой мужчина в рубашке с коротким рукавом и седыми волосами.

— Здравствуйте, я пришёл к вам устраиваться водителем, на рефрижератор! — сказал я.

— Как фамилия? — спросил начальник гаража.

— Сергей Петров!

— А... Понял! — сказал он. — За тебя сказали, что ты толковый парень! Ну, пошли! — Завгар встал из-за стола, взял в шкафу, который стоял рядом со столом, ключи от машины и пошел к выходу из кабинета. Он махнул мне рукой, чтобы я следовал за ним. Мы вышли из кабинета и пошли по гаражу, пока завгар не остановился у грузовика «ЗИЛ» с рефрижераторной будкой.

— Вот эта твоя машина будет, — просто сказал завгар. — Тебе повезло, с этой машиной всё в порядке, всё работает как часы. Парень, который работал на ней до тебя, был

толковый и рукастый. Но недавно он, можно так сказать, с жиру забесился и немножко сглупил, поэтому и расстался с правами. — Валерий Михайлович достал из кармана ключи с увесистым брелком и протянул их мне.

— Вот тебе ключи, заводи, поехали! — сказал он открыв двери и залезая в кабину машины на пассажирское сидение.

Я обошёл вокруг автомобиля и занял место водителя. Завёл двигатель «ЗИЛа». Машина действительно завелась с первой попытки.

— Поехали, — он указал прямо на ворота, которые были открыты, и мы выехали из гаражного бокса и поехали к проходной. Завгар сказал мне ехать к воротам, ведущим на выезд в город, и я, честно говоря, был немного удивлён. Меня ведь даже ещё не приняли в штат.

— Посмотрим, как ты едешь, а там видно будет, брать тебя водилой или нет! — сказал завгар.

Ну что ж, это понятно, придется показать себя с лучшей стороны, грузовики я давно вожу, еще с военного училища, и там в будущем, как бы это ни было печально для нашей страны, в армии грузовики те же самые, что и были в восьмидесятые годы. Поэтому, думаю, проблем у меня не возникнет. Правда, я провёл много лет прикованным к кровати, а

теперь я нахожусь в чужом теле, но это тело меня вроде бы хорошо слушается и подвести не должно. Мы подъехали к воротам контрольно-пропускного пункта. Сторож подошёл и посмотрел на меня, он выглядел немного удивлённым.

— Пропуск на выезд, — с подозрением сказал он.

Вячеслав Геннадьевич выглянул из кабины и помахал рукой.

— Выпускай, Паша, это со мной, — крикнул он сторожу.

Старик-охранник кивнул, нажал на кнопку, загудели электромоторы, и массивные металлические ворота медленно отъехали в сторону. Я включил первую передачу, и наш ЗИЛ выехал за ворота.

Валерий Михайлович показывал мне дорогу. Управлять таким непривычным для меня автомобилем было немного сложно, но, возможно, из-за того, что в советское время на дорогах было раз в десять меньше машин, чем в будущем, когда я привык ездить за рулем, через полчаса я освоился и уверенно вел рефрижератор.

Валерий Михайлович объяснил мне, как добраться до торговых точек, куда мы будем доставлять мясо, а также по-

казал мне маршрут, который вел к центральному рынку. Я старался не отвлекать его вопросами, а больше внимательно слушал.

К полудню мы завершили нашу ознакомительную поездку по городу и вернулись на мясокомбинат. Я припарковал автомобиль в гараже, расположенном на территории мясоперерабатывающего предприятия.

Заглушив двигатель, я спросил у Валерия Михайловича:

— Ну как, Валерий Михайлович, мне нужно идти в отдел кадров, чтобы подать документы?

— Да, ты нам подойдешь! Водишь ты нормально! — ответил он. — Сейчас в отделе кадров обеденный перерыв, который закончится через сорок минут. После этого ты зайди к ним и отдай необходимые документы. С завтрашнего дня ты приступаешь к работе.

Он ободряюще похлопал меня по плечу и вышел из машины.

— Завтра ровно в восемь часов будь в гараже!

Я вышел из машины и отправился искать отдел кадров на

заводе. Подал документы, которые нужны были для трудоустройства, я расписался в куче инструктажей и был на сегодня свободен.

Уже в три часа дня я покинул территорию мясокомбината, сел на автобус и поехал домой, в свою съёмную квартиру.

Когда я вернулся домой, настроение у меня было приподнятое. Можно сказать, что я уже удачно внедрился. Мне с утра пришлось немного поволноваться, я, честно говоря, боялся, что что-то пойдёт не так и у меня не получится устроиться на эту работу.

Открыв морозильную камеру, я посмотрел на мясо, которое вчера купил. Созданный мною запас из десяти килограммов мяса, конечно, не мог не радовать. И только теперь я осознал, что микроволновок-то в СССР еще не было, по крайней мере я даже не помню, чтобы про них кто-то и упоминал. К счастью, вчера я предусмотрительно порезал на куски, так будет легче его разморозить. Можно просто положить кусок мяса в кастрюлю с водой и немного подогреть.

Я заварил свежий чай в литровом чайнике, который нашел в кухонном шкафу. Привычка часто пить чай у меня осталась еще с прошлой жизни, потому что я родом с Дальнего Востока, с берегов реки Амур. Мои предки были еще пер-

вопроходцами в тех глухих, богом забытых местах. Сколько себя помню, дедушки и бабушки постоянно пили чай с молоком, который они называли «Сливан». Еще в этот чай добавляли сахара, сливок или даже немного сливочного масла и бросали щепотку соли, потом варили всё это в кастрюле на печке. Получался практически бульон. Когда меня в свое время мотало по стране, я потом пил такой чай в гостях у бурят и монголов. Видимо, мои предки у них и позаимствовали этот рецепт. Воспоминаниями о будущем сыт не будешь, поэтому мне нужно что-то приготовить покушать и желательно на пару дней, чтобы не тратить ежедневно время на готовку еды.

Конечно, самое главное, что мне удалось сделать, это запас мяса где-то на месяц, купить другие самые необходимые продукты, я думаю, будет проще.

Никогда не понимал людей, которые становятся вегетарианцами. Неужели они не понимают, что человеческий организм не может жить только на растительной пище? Если человек отказывается от мяса, рыбы и молочной продукции, то он со временем обязательно начинает болеть, и у него нарушается работа пищеварительной системы, потом уже начинаются и тяжелые заболевания. Кто-то скажет, что в Индии миллионы людей не едят мясо. Вот только кроме растительной пищи индусы постоянно употребляют в пищу моло-

ко, молочные продукты и яйца. И к тому же живут индусы в тёплых краях, где вечное лето, а в наших суровых условиях на одной растительной пищи и молочной продукции не проживёшь.

В скором времени мясо немного оттаяло, и я срезал с него тонкие ломтики. Налил на сковороду масло и обжарил мясо. Затем добавил туда очищенный картофель и стал тушить вместе с мясом. Получилось много для меня одного, но это не страшно. Думаю, что как раз на два дня мне хватит. Наложив себе в тарелку того, что у меня получилось, я взял вилку и стал с удовольствием есть картошку с мясом, пока это простое рагу еще было горячим. Конечно, насколько бы я ни любил это блюдо, уже пора подумать о разнообразии своего питания. У меня не было никакой крупы или макарон, и в самое ближайшее время их нужно было добыть.

Пообедав, я налил себе чашку чая и вышел с ней на балкон. Сел на табуретку, на которой, видимо, сидела хозяйка, когда курила на балконе. Квартира, которую я снимал, находилась на третьем этаже, откуда хорошо было видно, что происходит во дворе.

А там кипела жизнь: дети играли, мамы с колясками прогуливались, кто-то выколачивал ковры, и даже вывешивали белье сушиться прямо во дворе, потому что на балконе было

мало места. Бабушки сидели на скамейках, а дедушки собрались за длинным столом и играли в домино. Подростки соревновались на турниках, пытаясь больше всех подтянуться или сделать подъём с переворотом. Парни старались показать свою силу и удаль, ведь рядом на лавочках в тени деревьев сидели девчонки, их ровесницы, и наблюдали за ними.

Я хорошо помню это время, когда великая страна перестала существовать, мне было двенадцать лет, и я многое уже понимал в эти годы, а те, кто был моложе меня в 1992 году, хотя бы на несколько лет, уже не помнили, как жили люди в Советском Союзе, потому что были тогда еще слишком маленькими.

А потом пришло поколение, которое родилось уже в России, но им постоянно внушали ненависть к Советскому Союзу, через фильмы и интернет, и даже через школьные учебники. И вот как итог уже в двадцатые годы двадцать первого века молодёжь будет воспринимать СССР как нечто плохое, как ненавистный «Совок».

Интересно, что же было плохого в Советском Союзе? Бесплатные квартиры? Или низкий уровень преступности? Наркомания практически отсутствовала, а тех, у кого были проблемы с алкоголем, отправляли в лечебно-трудовые профилактории. Я лично знал многих, кто рассказывал, что это по-

могло им бросить пить и начать новую жизнь. Разного рода извращения считались не особенной «любовью», а психическим отклонением, и те, кто страдал этим недугом, получали бесплатное медицинское лечение в соответствующих учреждениях.

Помню, как в те же двадцатые годы двадцать первого века на каждом углу начали открываться алкомаркеты, чтобы люди быстрее спивались, а молодёжь, особенно это стало заметно среди девушек, подсаживалась на алкогольные напитки, которые, чтобы понравиться как можно большему числу людей, были с разными приятными вкусами. Синтетические наркотики мог легко заказать любой школьник через интернет. Когда наконец-то даже до самых тупых начало доходить, что таким образом нас хотят уничтожить изнутри, было уже слишком поздно! Слишком долго и упорно в России не слушали умных людей, смеялись над их предостережениями и называли это «теорией заговора». А потом было уже поздно!

Я посмотрел на двор, со своего балкона, и видел людей, которым было невдомёк, что через несколько лет их привычная жизнь изменится. Предатели Горбачёв и Ельцин запустят механизм развала СССР, а правительство России решит перейти к капитализму и начало продавать всё и вся, и этот кажущийся на первый взгляд хаос, который будет сопровождать страну, на самом деле будет контролироваться

из-за океана еще десятки лет. Даже война на Донбассе была спланированной операцией американских олигархов, чтобы захватить месторождения полезных ископаемых, о чём они будут открыто заявлять в СМИ.

Я вдруг вспомнил тот день, когда я остался без ног. Война в Европе длилась уже больше десяти лет и заканчиваться никак не собиралась. Позиция нашей части находилась на передовой в районе Львова, где проходила линия фронта. Пока было небольшое затишье, стороны конфликта пытались в очередной раз договориться о перемирии, и я с передовой поехал навестить в госпитале своих бойцов из группы разведки, которой я командовал, и раздать им заслуженные награды. Уже на обратной дороге, когда до передовой оставалось не больше двадцати километров, вдруг со стороны войск НАТО полетели ракеты и дроны. Видимо, кто-то из командования объединенных войск Европы очень не хотел допустить перемирия между Россией и НАТО.

— Товарищ подполковник! Надо переждать обстрел где-нибудь в более безопасном месте, а потом поедem дальше! — обернувшись, прокричал мне мой водитель Саня.

— Гони вперед, Саня! В первый раз, что ли?! Нам нужно скорее попасть в часть, по-моему, основные прилеты как раз туда были! — прокричал я в ответ своему водителю. — Там

наверное наша помощь нужна!

Раньше в этот провинциальный городок недалеко от Львова, где стояла наша небольшая воинская часть прилетов ракет и дронов почти не было, а сейчас по улицам в панике бегали люди, стараясь где-нибудь укрыться от осколков. Наш УАЗик «Буханка» ехал по разрушенным улицам города с максимально возможной скоростью, с которой можно передвигаться по разбитой дороге, на которой валяются бетонные осколки от стен домов разной величины, а ещё приходится объезжать воронки от ракет и снарядов, некоторые из них настолько большие, что если машина попадёт в неё, то уж точно без помощи тягача из ямы её будет невозможно достать. Когда мы уже приближались к выезду из города, неожиданно на дорогу выбежала маленькая девочка лет семи и начала махать руками. Сашке пришлось затормозить так резко, что я ощутил приложился головой о потолок кабины, и, наверное, если бы не каска, то я бы обязательно получил неслабое сотрясение мозга.

Мой водитель выбежал из машины и кинулся к девочке.

— Ты почему одна? Где твоя мама?

— Мама там, в подвале, нас много, там выход завалило, меня в окошко вытолкнули! — запинаясь от слез, заикаясь

прокричала девочка так громко, что я её услышал из кабины УАЗика, несмотря на периодически звучащие звуки взрывов.

Я выскочил из машины и подбежал к ним.

— Присев на корточки, я поймал взгляд девчушки, которая уже начала впадать в ступор от страха.

— Где этот подвал? Где твоя мама, сможешь показать? — прокричал я.

— Товарищ полковник! Скоро сюда по-любому придут спасатели, нам нужно срочно добраться до расположения части! — прокричал Сашка.

— Да хрен они их сейчас найдут, ты посмотри, что творится! Пока спасатели придут, спасти некого будет, завалит их здесь обломками здания, сто процентов! — громко сказал я своему водителю, стараясь перекрыть шум взрывов, на что Сашка покачал головой и тревожно посмотрел на верхние этажи зданий, из которых шел дым.

— Показывай, где осталась твоя мама! — сказал я девчушке, она, вздрагивая от слёз, тем не менее нашла в себе силы побежать к домам, показывая мне направление.

Я побежал за ней, надеясь успеть, пока пожар не распространится и с крыш многоэтажек не начнут падать куски кровли. Девчушка подбежала к одному из маленьких окон, которые находились у самой земли и вели в подвал. Возле этого окна плакало еще несколько маленьких детей.

Заглянув в окно, на которое показывала девочка, я увидел в подвале десятка два женщин и несколько детей. Из подвала доносились крики, от которых закладывало уши. Женщинам хватило сил вытолкнуть на поверхность только самых маленьких детишек, окно находилось примерно на высоте более двух метров, и женщины не могли выбраться из подвала сами, а маленькие детишки боялись убежать и плакали, оставаясь возле окна в подвал. Мы с моим водителем Саней переглянулись.

— Я залезу в подвал и буду выталкивать женщин, а ты принимай их здесь, — сказал я своему напарнику. —

Скинув бронежилет и разгрузку, потому что иначе мне бы было невозможно пролезть, я сел на землю, просунул ноги в небольшое окно подвала и спрыгнул вниз. Я начал подсаживать женщин, а Сашка затягивал их в окно за руки. Последних женщин и детей я выталкивал уже из последних сил.

— Как только вылезите, сразу убегайте подальше от зда-

ния, оно начинает рушиться! — кричал я женщинам. Многие из них были в панике, а кто-то, наоборот, впадал в ступор. Дым от пожаров становился все более густым и едким.

— Вроде всех вытащили! — крикнул я Сашке, задыхаясь от дыма.

Внезапно раздался взрыв такой силы, что здание содрогнулось. С потолка посыпалась штукатурка, я упал на пол подвала и увидел, как по стенам подвала побежали трещины.

— Это прилет, товарищ полковник! Ракета попала в верхние этажи! Давайте руку, я вас вытащу! Надо торопиться, теперь здание точно может рухнуть! — услышал я голос Сашки, который просунул голову в окно подвала.

Я встал и, шатаясь, пошел на свет от окна и на Сашкин голос, потому что было практически ничего не видно из-за пыли. Добравшись до окна, я подтянулся, стараясь опираться ногами о стену. Я почувствовал, как Сашка меня тащит, ему удалось вытащить меня почти полностью, как вдруг я почувствовал сильный удар и я потерял сознание.

Глава 6

Я пришёл в себя только через месяц в реанимации. Как потом мне рассказали в тот момент, когда мой водила Сашка меня вытаскивал, в здание попала еще одна ракета, и оно начало разрушаться. Упавшая плита передавила мне ноги выше колена. Мой водитель Сашка погиб, его извлекли из-под обломков ещё живым, но спасти его не удалось, он умер по дороге в больницу. Женщины, дети, которых мы спасли, выжили все, потому что успели уйти подальше от здания, они-то и рассказали о нас спасателям.

Меня очень долго перевозили из госпиталя в госпиталь. Самостоятельно я даже не мог передвигаться на инвалидной коляске, мог только лежать или ползти на руках. А затем мне предложили поучаствовать в эксперименте. После небольшой подготовки я оказался здесь.

Я снова посмотрел на двор своего дома. То, что я снова молод и у меня есть ноги, и я вернулся во время своего детства, для того чтобы выполнить задание, по крайней мере, у меня будет возможность спасти шесть сотен человеческих жизней, которые унесет теракт, а это уже очень немало.

На следующий день я приступил к работе водителем на мясокомбинате. Я начал знакомиться с коллегами и посте-

пенно осваиваться в коллективе. Люди, с которыми мне пришлось работать, в принципе были дружелюбными и приятными в общении.

В течение недели я занимался доставкой мяса в государственные магазины. Машина которая мне досталась действительно работала исправно, как часы. Видимо, заведующий гаражом не соврал, и предыдущий водитель действительно был ответственным парнем и заботился о своём транспорте.

А уже через неделю начались мои первые нелегальные рейсы. Мне стали доверять развозить по ночам левые партии мяса и колбасы с мясокомбината на центральный рынок. Немного реже я привозил мясо на рынки поменьше центрального, таких небольших рынков было три, на отдаленных окраинах города.

Во всех этих поездках меня сопровождала экспедитор — тридцатилетняя девушка по имени Марина, которая была родственницей кого-то из руководства мясокомбината. Несмотря на то, что она была замужем и имела двоих детей, она постоянно строила мне глазки и давала понять, что не против завести служебный роман.

В целом эта Марина была довольно привлекательной женщиной, да и за собой она следить умела. Ни разу не видел её на работе без умело нанесенного макияжа. А денежки на дорогую косметику у неё по понятным причинам имелись. После каждого ночного нелегального рейса, когда мы с Маринкой развозили партию левого мяса или колбасы по рын-

кам, или другим точкам нелегальной реализации, таким как, например, рестораны, мне Маринка отдавала пятьдесят рублей, это примерно треть зарплаты, которая уже считается высокой для простого советского человека. Уж Маринка-то точно получала за один нелегальный развоз колбасы не меньше, чем я. Как-то не выдержал и спросил её, а на хрена она отправила мужа на заработки на север, если сама зашибает больше, чем он на севере.

— А ты слышал, Сереженька, выражение, кто такой идеальный муж для женщины?.. «Это слепой, глухой капитан дальнего плавания»! — немного погрузневшим голосом сказала Маринка. — Вот и мой таким и оказался. Хороший, работающий, почти не пьёт, детей любит. А вот сексом позаниматься — так это не для него, пару раз в месяц, и ему достаточно, и он считает, что этого достаточно и мне... Как так понять не могу, вроде мужик здоровый. — развела руками девушка. — А пару лет назад вообще решил на «Север» ездить, чтобы зарабатывать больше. Вот мне и приходится искать женское утешение с другими мужиками.

Я, конечно, очень истосковался по женской ласке, но пока не спешил отвечать взаимностью на её домогательства, ведь это может помешать выполнению моего задания. Маринка любила поболтать, пока мы были в дороге, как и любая другая женщина.

— Лёшка, который здесь до тебя работал, поначалу меня хорошо выручал с этим, — с хитрой улыбкой сказала девуш-

ка. — Но потом он встретил свою школьную любовь Ленку и просто помешался на ней, начал её дорогими подарками засыпать и всё таки добился своего, увел её у мужа, стервец. Ну а со мной сразу спать перестал... Романтик хренов! — фыркнула девушка и продолжила:

— Она не к нему от мужа ушла, а к его деньгам, которые ему здесь платили, а теперь он, насколько я слышала, где-то на стройке горбатится. Интересно, бросит его Ленка теперь или нет? — рассуждала вслух Марина.

Я неопределённо пожал плечами и задумался. Стоит ли мне жалеть этого Лёху? Ведь я, как ни крути, занял его место и сломал налаженную жизнь парня. Хотя он, конечно, и занимался криминалом и преступным делом. Думаю, жалеть его не стоит, скорее всего, ему даже повезло. Я регулярно передаю информацию подполковнику Звереву, и рано или поздно они накроют всю эту шайку, когда соберут побольше информации, так что этот Лёха мне ещё должен за то, что будет не у дел и избежит уголовного наказания, когда эту шайку накроют.

— Серёжа, я чего-то не пойму, у тебя же нет девушки, и ты не женат, насколько мне известно. — Маринка положила руку мне на колено и сказала: — Тебе, наверное, тяжело без женской заботы. Ты такой видный парень, а живёшь один, ...с тобой-то что не так?

Я не смог сдержать смех, и Маринка удивлённо смотрела на меня. «Знать бы тебе, кто я на самом деле, и что со мной

не так», — подумал я, а вслух ответил:

— Нет, почему? Я был женат, детей не нажил, пока работал вахтовым методом на севере. Жена ушла к другому, а новой женой пока не обзавёлся!

«Вообще-то, имею право я или нет на женскую ласку после того, как столько лет провалялся куском мяса на больничной постели?» — подумал я в этот момент и посмотрел на девушку. В тот вечер мы с Маринкой поехали к ней домой, в этот раз её дети ночевали у бабушки, потому что она приходила домой поздно после таких ночных разъездов. И мне пришлось на себе испытать пылкий темперамент девушки и наконец то почувствовать себя по-настоящему живым.

Так прошло больше чем полгода. Минула осень с зимой, и весна уже была в самом разгаре. Мне порой начинало казаться, что вот это и есть моя настоящая жизнь. А та жизнь, которая только будет в будущем, долгие годы войны, а потом годы, когда я был калекой, прикованным к больничной койке, это просто страшный сон. Я вместе с моей экспедитором Мариной ездил по Волгограду и пригороду и развозил мясо в государственные магазины, и на рынок мы неизменно возили нелегальные партии мяса и колбасы. Мы часто заезжали к Маринке домой, когда её детей не было дома, а муж был в длительных командировках на севере. Так наступил новый год, и прошла вся зима, минул март, снег растаял, и в середине апреля уже было довольно тепло.

Я встречал новый год один в своей съёмной квартире, смотрел телевизор в своей съёмной квартире. По первому каналу шёл «Голубой огонёк». В Советском Союзе многое было продумано, и даже эта телепередача служила показательным примером для советских людей. За одним столом сидели доярка и космонавт, учёный и рабочий передовик производства, а артисты и певцы развлекали их, выступая на сцене.

Когда Советский Союз развалится, все эти передовики производства и учёные будут считаться неудачниками. А скоморохи, которые когда-то их развлекали, станут эталоном успеха. Всё перевернётся с ног на голову.

Без особых происшествий я сливал подполковнику информацию, которую удавалось мне узнать. Подполковник Зверев выдал мне портативный фотоаппарат, который помещался в пачку из-под сигарет. Что и позволяло мне часто фотографировать разгрузку мяса и фигурантов этого дела, так сказать, непосредственно во время преступления, собирая большую доказательную базу. На складе всегда был шум и суета, поэтому можно вполне можно было сфотографировать, не привлекая к себе внимание. Так я, наверное, отснял десятки метров плёнки, когда шла разгрузка мяса, был шум и суета, поэтому делать фото, оставаясь незамеченным, было не так-то сложно. И вот отгремели первомайские демонстрации, до теракта, который произойдет 4 июня 1989 года, оставался всего один месяц. Теперь мне нужно было ду-

мать о том, как в ближайшее время попасть на место будущей катастрофы для того, чтобы разработать план операции по предотвращению этого теракта. А пока старался не привлекать внимания и думал, как мне выпросить отпуск, чтобы уехать в Уфу где-то за недельку до теракта. Моя работа водителем на мясокомбинате шла своим чередом.

Примерно месяц назад нам с Маринкой, начальник сказал использовать новый метод сбыта нелегальной продукции. Суть его состояла в том, чтобы продавать колбасу, не указывая её в документах. Для этого колбасный цех работал вечером или ночью, выпуская неучтённую колбасу. Её делали из третьесортного мяса, в ход шли даже жилы и свиная шкура. И вот мы с Маринкой в очередной раз загрузили двадцать ящиков такой колбасы и отправились на машине продавать её в людном месте.

Мы, как обычно, поставили стол в оживлённом месте, возле автобусной остановки, где толпилось много народа. Маринка продавала колбасу с этого столика. Мы старались делать это в дни выдачи зарплаты или аванса. Поэтому колбаса расходилась как горячие пирожки, даже по завышенной цене, потому что в магазинах она была дефицитом, и её было почти не достать, как раз по той причине что колбаса уходила нелегально на рынки.

Маринка продавала колбасу на складном столике, а я только успевал подавать следующий ящик. В рефрижераторной будке стояли ящики с колбасой в картонных коробках.

Те коробки с колбасой, до которых я мог дотянуться, стоя на земле, уже кончились, и мне пришлось залезть в будку, чтобы подтолкнуть оставшиеся ящики с колбасой поближе к борту, когда увидел, что сзади к Маринке подкрадывается парень-подросток лет пятнадцати. Парнишка начал аккуратно и незаметно для продавщицы Маринки тащить ящик с колбасой, который стоял на земле слева от столика. Я, видимо, был вне поля его зрения, и он поэтому не видел, как я наблюдаю за его манипуляциями.

В этот момент двое молодых людей пытались отвлечь Марину разговорами. Они задавали ей вопросы, пытались шутить и делать комплименты. Видимо, они работали в группе с этим парнишкой. В будке находился небольшой ящик с инструментами. Я открыл его и взял из него большую гайку. Со всей силы я кинул эту увесистую гайку в спину пацану, который уже на четвереньках полз под машину и тащил за собой ящик колбасы. Расстояние было небольшим, поэтому гайка припечатала в спину пацанчика довольно ощутимо. Он выронил ящик и закричал от боли и неожиданности. Пытаясь дотянуться до ушибленного места, он обернулся и злобно посмотрел на меня. Я показал ему кулак.

— Что ты делаешь, урод? — закричал на меня пацан, корчась от боли.

— А ну пошёл на хер отсюда! — сказал я этому недалёкому воришке.

Молодые парни, которые отвлекали Маринку, злобно по-

смотрели на меня, после чего развернулись и начали прокладывать себе путь через толпу людей, собравшуюся в очереди за колбасой.

Я спрыгнул на землю из холодильной будки машины и загрузил обратно все ящики с колбасой, которые успел поставить на землю у ног продавщицы, оставил только тот, который стоял перед Мариной на столе. Я решил, что лучше буду подавать ей колбасу, чем давать возможность ещё какому-нибудь неокрепшему уму совершить кражу. Колбасу Маринка продавала по четыре рубля, это было на рубль дороже, чем в магазине, но люди активно её разбирали, уже образовалась немалая очередь и начиналась давка.

— Эй, слышь ты, водила! — услышал я крик слева. Это были те двое парней, которые отвлекали внимание Маринки, когда их подельник пытался украсть у нас ящик колбасы. Они сейчас стояли, сжимая кулаки от злости, и смотрели презрительно на меня. За их спиной стояло еще двое парней и этот неудавшийся воришка.

Я видел таких парней в детстве, когда был маленьким и жил в Советском Союзе. Такие парни, как правило, даже не заканчивали школу, рано шли работать, благо в СССР работы было валом. Такие люди не заморачивались получением образования, но, как правило, были физически крепкими и работали грузчиками где-нибудь в магазине или неквалифицированными рабочими.

Свободное время такие парни проводили нехитро: пытались найти чего-нибудь выпить или от скуки искали, кому набить морду. В таких компаниях были как несовершеннолетние, так и те, кто уже отсидел несколько лет за хулиганство или мелкие кражи.

— Эй, ты вообще-то сломал руку этому мальчику! Урод!
— сказал один из них. Вся эта компашка медленно двигалась в мою сторону, стараясь зайти с разных сторон, но толпа людей и машина не давали им этого сделать.

— Что вам нужно, мальчики? Идите мимо своей дорогой,
— спокойно сказал им я.

— С тебя сто рублей за лечение этому парню или ящик колбасы нам гони, — сказал тот, кто был, видимо, в этой шайке за главного. Я был удивлён такой наглостью, аж дар речи потерял, но взял себя в руки и сказал:

— Ты дебил что ли, парень, ты что за хрень такую несёшь? Вали отсюда, пока я тебе не навалял. Это же вы заставили того парня украсть у нас колбасу, а теперь пытаетесь сделать виноватым меня. Даже воровать нормально не умеете, придурки!

Как обычно бывает в таких случаях, парни ждали только повод для драки и сейчас они получили его. Самый здоровый из них без предупреждения подскочил ко мне и провёл удар кулаком в лицо. Я поднырнул под его руку и пнул его носком ботинка между ног.

Он согнулся пополам от боли. Я резко толкнул его ногой,

и он упал на траву.

Двое оставшихся парней не спешили сдаваться, они переглянулись и бросились на меня с двух сторон. Я сделал кувырок вперёд, чтобы переместиться подальше от них, и вскочил на ноги. Посмотрел в сторону Маринки, которая смотрела на всё это с открытым ртом. Ей вроде бы пока ничего не угрожает. Тем временем тот парень, которого я пнул в живот, встал на ноги и, не переставая материть меня последними словами, достал из кармана складной нож и, пошатываясь, пошел в мою сторону. Толпа людей с криками возмущения немного отступила, я схватил со столика, на котором лежал товар, палку копченой колбасы, она была заморожена и удобно лежала в руке, и поэтому её было можно использовать как увесистую дубинку. Удар такой замороженной сырокопчёной палкой колбасы будет поэффективнее, чем удар резиновой дубинкой, из-за её приличного веса.

Парень, как бешеный, начал размахивать ножом, приближаясь ко мне. Насколько я понял, у него в руке был простой перочинный нож, не запрещенный к хранению. То ли парень был совсем неумным товарищем, то ли уже успел выпить и потерял связь с реальностью, потому что нападать на меня с ножом при куче свидетелей было просто идиотизмом, даже если бы он не задел никого ножом, то только за одну эту выходку он бы схлопотал года три-четыре. В СССР с этим было строго. Но все равно этого придурка нужно было остановить, пока он не натворил бед и не порезал тут кого-нибудь.

Улучив момент, я сильно ударил его замороженной палкой колбасы по руке, в которой он сжимал нож. Парень выронил ножик и закричал от боли, схватившись за руку. Вряд ли я сломал ему кисть, но удар был очень болезненным. Для полноты ощущений я ударил его сбоку по голени, от чего он упал на траву. Этот удар очень эффективен и прост, получается, что удар переходит в подсечку и выбивает сустав голени, противник долгое время не может стоять на ногах.

Пока мои противники пребывали в секундном замешательстве, я открыл ящик с инструментами внизу будки и достал оттуда монтировку.

— Пошли на хер отсюда! — прокричал я, размахивая монтировкой. — А то сейчас всем, блять, руки переломаю!

Наконец-то эта четверка хулиганов решила ретироваться. Они подняли своего товарища с травы и пошли прочь, попутно оборачиваясь и выкрикивая в мой адрес маты и угрозы.

— Ну их на хер! — в сердцах сказала Маринка. — Давай сворачиваться, пока эти уроды нам какой-нибудь подлanky не устроили.

— Тогда валим отсюда! Пока эти уроды еще кого-нибудь с собой не привели! — согласился я.

— Так, граждане все! Лавочка временно закрывается! — громко прокричала Маринка.

Некоторые люди, которые стояли в очереди, начали выра-

жать недовольство, но всё же подошли к Марине и начали совать деньги, чтобы по-быстрому купить колбасу. Марина плюнула на опасность, которую представляли эти гопники, и начала торговать. Я оглядывался по сторонам, не выпуская монтировки из рук, чтобы убедиться, что эти молодчики не вернуться и не устроят нам ещё какие-нибудь проблемы. Мы быстро продали всё, что у нас было. Конечно, я понимал, что наша торговля была незаконной, и привлекать внимание милиции дракой с этими людьми было бы неразумно, несмотря на то что у этой мясной мафии милиция была прикормлена, нам не стоило лишний раз светиться. Нам без дальнейших приключений удалось за час распродать всю левую колбасу, затем мы загрузили стол и кассу в машину и уехали оттуда без происшествий.

На следующий день после происшествия меня вызвал к себе директор мясокомбината. Я никогда раньше не видел его лично, и мне было непонятно, зачем он меня позвал. Если бы хотели меня уволить, то просто сказали бы зайти в отдел кадров и забрать документы.

Я поднялся на второй этаж административного здания мясокомбината и вошел в небольшую приемную и посмотрел на дверь кабинета директора, на котором висела табличка «Коган Григорий Игоревич». Секретарша, полная женщина лет сорока, в очках и с обесцвеченными волосами, надменно посмотрела на меня и спросила:

— Вы по какому вопросу, товарищ? —

— Да меня вроде бы сам директор вызывал! — немного растерянно махнул я рукой в сторону кабинета.

Секретарша посмотрела на меня так, будто бы я приперся к ней домой без приглашения, а не в приемную к директору, неохотно встала из-за стола, подошла к двери, постучала и, немного приоткрыв дверь, проскользнула в кабинет. Через минуту она вышла и официальным тоном сказала:

— Можете войти. Григорий Игоревич примет вас!

Я вошел в просторный кабинет. За большим столом сидел пожилой мужчина лет шестидесяти, в очках.

— Здравствуйте, Георгий Игоревич! Вы вызывали меня?

—

Директор снял очки и сказал:

— Сергей Петров, если не ошибаюсь? —

Я кивнул и стоял молча, смотрел на директора.

— Я наслышан о ваших подвигах, молодой человек. Инцидент, конечно, получился некрасивый, но лично я считаю, что вы повели себя правильно... И даже, наверное, следует сказать, действовали довольно грамотно... Что говорит о том, что мы не ошиблись, взяв вас на работу. Да вы присаживайтесь, — сказал директор, показывая мне на стулья, которые стояли возле его огромного стола с моей стороны.

О как! Неужели меня позвали, чтобы просто похвалить, хотя по его вкрадчивому тону чувствуется, что не всё так просто. Я отодвинул стул. Сел и внимательно смотрел в глаза директору, пытаюсь понять, что ему от меня нужно.

— Видите ли, молодой человек, дело в том, что мне необходимо перегнать машину из Уфы сюда, в Волгоград. Я купил у своего родственника, недорого. — словно оправдываясь, доверительным тоном сказал директор. — Я попросил начальника вашего гаража Михалыча подобрать мне для этого ответственного водителя. А тут вы, молодой человек, на деле доказали, что можете постоять и за себя, и за вверенное вам имущество. Так что, как вы относитесь к небольшой, но хорошо оплачиваемой командировке в Уфу? По прибытию, кстати, вам будут положены несколько дней отгулов.

Уфа! Я едва не подскочил на стуле от неожиданности. Последние дни я был на грани нервного срыва. Оставалось всего ничего до теракта. Вроде бы почти ещё целый год, но я не находил себе места. Я хотел оказаться там под Уфой и увидеть всё своими глазами и продумать, как предотвратить эту катастрофу. Спасти сотни людей и предотвратить ужасные последствия, о которых люди даже не догадываются.

— Да я совсем не против, — сказал я директору, стараясь не показывать своего оживления. — Если надо, то я с удовольствием выполню Ваше поручение!

— Ну вот и хорошо, — обрадовался директор. — А как говорится, чтобы два раза не ездить, я бы попросил вас, молодой человек, отогнать этому моему родственнику в Уфу старенький «ЛуАЗ», пусть на рыбалку с комфортом ездит. Доверенность на машину на ваше имя выпишут. Сегодня же в отделе кадров есть твои данные. Вот тебе командировоч-

ные и деньги на бензин, — сказал он, доставая из кармана две купюры по сто рублей, и положил их на стол. — Отчитываться не нужно. Можешь тратить как хочешь. Если возникнут какие-то проблемы, у тебя должен быть телефон нашего завгара, а он, если надо, свяжется со мной. По прибытию получишь еще лично от меня премию.

Я встал из-за стола, задвинул стул. Посмотрел на лежащие на столе сторублёвки. Взял их и засунул в карман.

— Будут ещё какие-то указания? — спросил его я.

— Да нет, Серёжа! Через пару дней, скорее всего в субботу, к тебе приедет наш механик и пригонит машину, «ЛуАЗ», он будет после капитального ремонта, поэтому не бойся, доедешь до Уфы без проблем.

Руководитель мясокомбината поднялся из-за стола и протянул мне руку.

— Ну удачи тебе, сынок, — сказал он.

— Не переживайте, Георгий Игоревич, я вас не подведу!

Я вышел от начальника в приподнятом настроении. Я долго думал, как бы мне попасть на место теракта, который мне нужно будет предотвратить, а тут господин случай в лице товарища начальника завода Когана предоставил мне такую возможность. Ох, чувствую, очень опрометчиво ввязался я в эти шпионские игры с внедрением в эту банду местной мафии. Такому агенту, как я, полагается иметь чистые руки и никакого оружия при себе, потому как его задача — это

сбор информации. А я вот как-то раньше служил в войсковой разведке и совсем не привык быть без оружия. А если мне придется столкнуться с кем-нибудь посерьезнее, чем эта мелкая банда местных гопников? С оружием оно сподручнее и на душе спокойнее.

Разрешение на охотничье ружьё мне, скорее всего, и не дадут, потому что я нахожусь в теле судимого парня. Хотя точно не помню, как с этим было в Советском Союзе, но проходить квест по вступлению в общество охотников и рыболовов у меня нет ни времени, ни желания. Значит, надо придумать что-то из подручных материалов. Я долго думал, каким бы мне холодным оружием обзавестись? Ножи я сразу отмел в сторону. В Советском Союзе это с этим было очень строго, конечно, можно было сообразить какую-нибудь простую заточку или нож, но мне это не подходит.

И тут я вспомнил, что когда в будущем я служил в разведке ещё молодым юнцом, нас в качестве ознакомления учили работать с "Сирюкенами". Это древние изобретения японцев, китайцев и прочих азиатов. Только наши спецы его усовершенствовали, а точнее сказать, сильно упростили, из-за чего это метательное оружие стало намного удобнее в использовании. Если у японцев сюрикены (а в простонародье — звёздочки) имеют в основном форму звезды с различными извращениями, то в советской разведке использовались «Сюрикены» просто квадратной формы с заточенными гранями и углами. Я хорошо помню, как такой сюрикен выгля-

дел и как он удобно лежал в руке. В древней Азии такие метательные снаряды часто смазывали ядом, и было достаточно, чтобы сюрикен нанес небольшую рану, и яд попадал в кровь, и человек умирал. А в современной разведке использовали другую функцию сюрикена, а именно отвлечение внимания противника путем нанесения легкого ранения. При рукопашной схватке, если метнуть сюрикен во врага, то можно вывести из строя его конечность или даже серьезно ранить противника. Этого иногда достаточно для того, чтобы взять противника живым.

Такое оружие иметь при себе было бы в моем случае очень удобно, особенно за неимением других вариантов. Я решил сделать несколько таких «сирюкенов» своими руками. В обеденный перерыв я зашёл в гараж мясокомбината, где обслуживались наши машины, и попросил разрешение у механиков поработать на станках по обработке металлов. Сказал, что мне нужно выточить детали для домашнего шкафа.

— Да ради бога, вон там станки к сети сейчас подключены — пожилой у уже совсем седой механик показал мне на старые станки в углу цеха. — Только смотри аккуратно. Умешь работать на таких?

Я кивнул головой. Порывшись в куче старых запчастей, я нашёл толстую стальную пластину толщиной в пять миллиметров. Насколько я помню, для сюрикена это многовато, у них толщина была миллиметра три, не больше, но, с другой стороны, чем тяжелее будет этот метательный снаряд,

тем сильнее будет сила удара. Смазывать его ядом и кидать на предельное расстояние, как это делали на востоке, я не собираюсь. Для меня важнее, чтобы противник прочувствовал силу удара и, по возможности, вообще передумал вступить со мной в рукопашную схватку. На станке я нарезал десять стальных квадратиков размером шесть на шесть сантиметров. Потом я заточил у них грани на точильном станке и просверлил в каждом квадратике по четыре отверстия диаметром пять миллиметров на расстоянии одного сантиметра от каждого угла в сторону центра. Эти отверстия работали как стабилизаторы в для "сирюкена" для более устойчивой траектории полета. Готово!

Даже если милиция найдёт у меня в кармане эти железки, то никто не поймёт, что это метательное оружие, и не менее серьезное, чем специальный метательный нож. Эти железные квадратики легко можно выдать за какую-нибудь деталь например от мебели или еще чего-нибудь. Ну, это если, конечно, не нарвусь на профессионалов. КГБшники уж точно знают, что это такое.

Этим же вечером я на своем грузовике заехал на окраину города и отправился недалеко в лес, подальше от посторонних глаз. Несмотря на то, что рабочий день уже кончился, у меня на руках был выписан еще один путевой лист до десяти вечера. В восемь вечера мне нужно было отвезти партию левой колбасы на центральный рынок, и пока времени у ме-

ня еще было много, надо было проверить мои "сирюкены" в действии. Я захватил с собой кусок доски где-то тридцать на тридцать сантиметров и толщиной в три сантиметра. В качестве мишени я выбрал подходящее дерево на полянке, приколотил к нему доску на один гвоздь и начал тренироваться.

Освоить эффективное метание "сирюкенов" и попадать в цель намного проще, чем научиться метать ножи, даже специально для этого предназначенные.

Буквально после нескольких бросков я начал четко попадать в доску с расстояния в пять метров, а через полчаса и с десяти метров я уверенно попадал в центр доски. Чтобы добиться таких результатов при метании ножей, нужно тренироваться с одними и теми же ножами, чтобы к ним привыкнуть, и то нужно несколько месяцев.

Освоив технику метания, я начал тренироваться быстро доставать «сюрикен» из кармана (самым удобным оказалось доставать их из нагрудного кармана). Затем я кидал их в мишень, находясь в движении, сила удара от моего броска уже была такой, что доска, которую я использовал как мишень, шириной в три сантиметра раскалывалась как от удара небольшим топориком. Результат даже превзошел мои ожидания. Это оружие надо было использовать с осторожностью, пробить череп с расстояния пяти метров таким сюрикеном было очень даже реально. В целом я остался очень доволен своим изделием и результатом тренировки. Теперь у меня есть хоть какое-то оружие.

Я с довольной рожей сел за руль своей машины и поехал за Маринкой, скоро нам развозить неучтенную продукцию по точкам её теневой реализации. В таких случаях Маринка заранее отводила своих детей к родственникам, а значит, у неё будет пустая квартира и около пары часов свободного времени. Эти пару часов мы с ней обязательно проведем в постели. Она не простит мне, если я упущу такую возможность.

Глава 7

Вечером после работы Лёха заехал во двор своего дома на своей старенькой «Победе». Припарковавшись, он не спешил выходить из машины. На улице кропил небольшой осенний дождик, но не дождь пугал парня, он просто опасался идти домой. Дома его ждала красавица жена, которая привыкла к шикарной жизни, которую он ей обеспечивал на протяжении нескольких лет, пока они жили вместе. Все эти годы он работал водителем на мясокомбинате и регулярно зашибал очень большие деньги, участвуя в теневых махинациях с мясом и колбасой. И жил он, как говорится, «кум министру, брат королю». А сейчас он работает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.